2-й экз.

1900 годъ VII-й

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 9.-10

СЕНТЯБРЬ-Октябрь

Изданіе П. П. СОЙКИНА
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
д-ра филос. М. М. Филиппова.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 Августа 1900 г.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Планета Марсъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. (Окончаніе). *Ѳ. Брунса.* 1489
II. Къ вопросу о заразительности и профилактикѣ проказы. Д-ра *І. Гербсмана.* 1509
III. Ученіе Шопенгауера о свободѣ воли. *С. Грузенберга.* 1529
IV. Александръ Ивановичъ Герценъ. (Окончаніе). *В. Богучарскаго.* 1542
V. Къ вопросу о классификаціи типовъ землепользованія. *М. Кроля.* 1549
VI. Итоги полемики о цѣнности. *М. Филиппова.* 1553
VII. Реформація и контръ-реформація. Проф. *Л. Гейгера.* . 1570
VIII. Ученіе о бактеріяхъ, какъ причинѣ болѣзней. Д-ра *А. Липскаго.* 1588
IX. Страданія и подвиги женщинъ во время войны. (Окончаніе). Д-ра *Людвига*, пер. *М. Михайловской.* 1603
X. „Доброе“ старое время въ Ливоніи. (Къ вопросу о причинахъ паденія Ливонскаго независимаго государства). *В. Ульриха.* 1618
XI. Уранія (Корреспонденція изъ Германіи), (съ 2 рисунками). *П. Б.* 1628
XII. Научныя новости:
1. Телеграфонъ. („Natur. Rund.“). 2. Свѣтлые края на изображеніяхъ темныхъ предметовъ на свѣтломъ фонѣ. („Nat. Rund.“) 3. Объ образованіи угольной кислоты куринаго зародыша. („Archiv. f. Physiologie“). 4. Фауна моравскихъ пещеръ. („Zoolog. Anzeig.“). 5. Парижскій воздухъ. („Compt. Rend.“). 6. Подземный шумъ. (Rendiconti Accad. dei Lincei.). 7. Измѣненіе поверхности металловъ свѣтомъ. („Compt. Rend.“) 1636
XIII. Новыя книги:
1. Густавъ Карпелесъ. Всеобщая исторія литературы. Пер. *С. Гринберга. К—ра.* 2. Dr. Hugo Rickes. Wert und Tauschwert. *П. Берлина.* 3. Dr. Lazarus Schweiger. Philosophie der Geschichte. *П. Берлина.* 1643
XIV. Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ. (Некрологъ). . . . 1649
XV. Книги, присланныя въ редакцію для отзыва.
XVI. Приложенія:
1. Берне. Сочиненія. Листы 24—27.
2. XIX вѣкъ. Листы 4—9.

и казаковъ одинаково господствуетъ чисто-захватное пользованіе пахотными землями, несмотря на то, что сѣнокосы (у крестьянъ и казаковъ) уже давно передѣляются и что земельныя общины тамъ фактически самымъ тщательнымъ образомъ разграничены. Мало того, у хоринскихъ бурятъ во многихъ улусахъ было зарегистрировано чисто-захватное пользованіе сѣнокосами, несмотря на сильное «утѣсненіе» въ этомъ угодьѣ (свободныхъ болѣе или менѣе удобныхъ для захвата подъ сѣнокосъ участковъ уже не было) и рѣзко обострившуюся борьбу между безпокосными и малопокосными хозяевами и владѣльцами крупныхъ захватныхъ покосовъ.

Мнѣ остается еще прибавить, что останавливаясь слишкомъ подробно на анализѣ крестьянскаго землепользованія, г. Качоровскій очевидно удѣлилъ недостаточно вниманія землепользованію инородческому, иначе онъ бы убѣдился, что чисто-захватная форма пользованія сѣнокосами, пастбищами и лѣсомъ не можетъ быть признана первоначальной формой въ Сибири. Такъ, извѣстно, что многіе сибирскіе инородцы стали заниматься хлѣбопашествомъ лишь недавно, и что нѣкоторыя изъ инородческихъ племенъ еще какихъ-нибудь 100—150 лѣтъ тому назадъ не знали сѣнокошенія. Скотоводы вели чисто-пастушескій образъ жизни и круглый годъ переходили со своими стадами въ поискахъ за кормами (пастбищемъ). Кочевали они по обширнымъ территоріямъ, которыя они считали «своими» съ «незапамятныхъ временъ» и которыми они владѣли, какъ коллективно-родовымъ достояніемъ. Содержаніе этого пользованія исчерпывалось правомъ каждаго члена родовой группы пасти свои стада по всей родовой территоріи «безвозбранно». Само собою разумѣется, что захватъ не только не совмѣстимъ съ такого рода свободнымъ пользованіемъ землею, но прямо враждебенъ ему, ибо всякое изъятіе какого-либо участка изъ общаго пользованія должно было явиться посягательствомъ отдѣльнаго лица или семьи на общеродовое достояніе. Вотъ почему на почвѣ коллективно-родового пастушескаго земельнаго права чистый захватъ могъ возникнуть лишь постепенно, черезъ множество промежуточныхъ формъ, которымъ я, во избѣжаніе путаницы, предпочелъ не присвоивать никакихъ спеціальныхъ наименованій. Эти формы мною описаны очень подробно, цитируетъ ихъ также неоднократно и г. Качоровскій, и мнѣ остается пожалѣть, что, увлекшись желаніемъ упростить терминологію, онъ смѣшалъ свободное «вольное» пользованіе землей и цѣлый рядъ переливающихся, въ высшей степени гибкихъ промежуточныхъ формъ—съ такой рѣзко-обособленной, типичной формой, какъ чисто-захватная.

М. Кроль.

Итоги полемики о цѣнности.

I.

Полемика о цѣнности не сходитъ со столбцовъ русскихъ и нѣмецкихъ органовъ, а между тѣмъ, кажется, пора уже подвести ей итоги. „Критическое настроеніе“ пока не принесло замѣтныхъ плодовъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что не создало никакой положительной доктрины: но это и не обязанность критики. Если она содѣйствовала сколько нибудь разъясненію понятій, то и это уже нѣкоторая заслуга. Въ качествѣ одного изъ участвовавшихъ въ критическомъ разборѣ трудовой теоріи, я прежде всего долженъ открыто заявить, что если рѣчь идетъ о положительныхъ построеніяхъ, то я и себѣ самому ничего подобнаго не приписываю. Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній я самымъ рѣшительнымъ образомъ всегда подчеркивалъ, *что въ ученіи Маркса я усматриваю правильный логическій выводъ изъ постулата, который, какъ и постулатъ Эвклида въ геометріи и какъ всякій вообще постулатъ, точно также не можетъ быть доказанъ, какъ и опровергнутъ.* Положеніе, гласящее, что извѣстное количество простого труда (да и всякаго вообще труда, для котораго даны качественныя опредѣленія, независимыя отъ внѣшнихъ условій приложенія этого труда) производитъ въ данное время вполнѣ опредѣленную величину цѣнности—это положеніе совершенно недоказуемо и точно также не подлежитъ никакому опроверженію. Это не болѣе, какъ допущеніе, основная гипотеза, въ силу которой и оказывается, что *всякая вообще цѣнность, а стало быть и прибавочная цѣнность создается исключительно живымъ трудомъ въ процессѣ производства.* И когда нѣкоторые изъ моихъ оппонентовъ противопоставляли мнѣ какъ разъ это положеніе, то они обнаруживали лишь невнимательное отношеніе къ моей аргументаціи. Скажу даже болѣе. То обстоятельство, что этого положенія доказать нельзя, само по себѣ такъ же мало компрометируетъ ученіе Маркса, какъ недоказуемость постулата о параллельныхъ линіяхъ нимало не компрометируетъ геометріи древнихъ. Существо науки состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы *все* было доказано, а во-первыхъ въ

томъ, чтобы она образовала связную, не допускающую внутреннихъ противорѣчій, систему понятій, во-вторыхъ въ томъ, чтобы она не противорѣчила даннымъ опыта, если опытная провѣрка возможна по характеру самого вопроса. Геометрія Лобачевскаго не хуже и не лучше геометріи Эвклида. Ни та, ни другая не противорѣчитъ ни себѣ самой, ни опыту. „Доказать“ опытомъ постулатъ Эвклида, однако, нельзя, потому что мы не имѣемъ опыта относительно безконечно удаленныхъ точекъ, который потребовался бы для эмпирическаго доказательства ученія о параллельныхъ линіяхъ. Мы не можемъ доказать опытомъ и вытекающей изъ эвклидовскаго постулата теоремы о внутреннихъ углахъ треугольника, такъ какъ могло бы случиться, что уклоненіе ихъ суммы отъ двухъ прямыхъ столь мало, что недоступно нашему измѣренію. Обѣ геометріи представляютъ связныя системы понятій безъ внутренняго противорѣчія, обѣ не опровергаются опытомъ — и мы этимъ довольствуемся. Но геометрія Эвклида имѣетъ за собою преимущество простоты и поэтому, безъ всякаго сомнѣнія, она никогда не будетъ вытѣснена изъ обыденной жизни никакой иной геометріей.

Возвратимся къ теоріи цѣнности.

Я не сомнѣваюсь въ томъ, что и постулатъ Маркса въ политической экономіи имѣетъ на своей сторонѣ *преимущество простоты* по сравненію со всякимъ инымъ постулатомъ. Я попытался, правда, противопоставить ему постулатъ болѣе общаго характера, включающій постулатъ Маркса, какъ частный случай. Мое предположеніе состояло въ томъ, что, вообще говоря, величина цѣнности, создаваемой трудомъ, зависитъ не только отъ продолжительности рабочаго времени и отъ субъективной квалификаціи труда (что допущено и Марксомъ), но и отъ квалификаціи объективной. Слова субъектъ и объектъ подразумѣваются здѣсь, разумѣется, не въ психологическомъ и не въ гносеологическомъ смыслѣ, а въ смыслѣ экономическомъ: подъ субъектомъ подразумѣвается рабочая сила, а подъ объектомъ—внѣшняя обстановка, въ которой этой силѣ приходится дѣйствовать. Если объективныя условія идеально постоянны, то, какъ я утверждалъ, мы приходимъ къ постулату Маркса, такъ какъ тогда вліяніе этихъ условій слѣдуетъ игнорировать. Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ, я считалъ необходимымъ принять ихъ въ разсчетъ. Говорю въ прошедшемъ времени „считалъ“, такъ какъ читатели увидятъ изъ настоящей статьи, какія основанія побуждаютъ меня теперь взять назадъ эту поправку и возвратиться къ теоріи Маркса pure et simple. Для того, чтобы читатели могли лучше оцѣнить мотивы, побуждавшіе меня отвергать постулатъ Маркса,—мотивы, по моему мнѣнію, все же сохраняющіе значеніе, какъ *критика*,

разъясняющая вопросъ о квалифицированномъ трудѣ, я попробую освѣтить вопросъ съ нѣсколько иной точки зрѣнія, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ—частью и мною самимъ, а въ особенности, другими критиками Маркса.

II.

Много лѣтъ тому назадъ, Дюрингъ, разбирая ученіе Маркса о цѣнности, нашелъ въ немъ очень крупную „ошибку“, состоящую въ томъ, что это ученіе..... недостаточно демократично. Рабочее время каждаго человѣка, утверждалъ Дюрингъ, слѣдуетъ заранѣе признать равноцѣннымъ съ рабочимъ временемъ всякаго другого человѣка. При квалифицированномъ трудѣ, правда, получается въ то же рабочее время большая цѣнность, но это зависитъ просто отъ того, что здѣсь къ индивидуальному времени присоединяется еще рабочее время другихъ людей. Такое присоединеніе происходитъ, по Дюрингу, какъ въ томъ случаѣ, когда мы имѣемъ дѣло съ обученнымъ или искуснымъ рабочимъ,—при чемъ къ труду рабочаго присоединенъ трудъ учителя, такъ и въ томъ случаѣ, когда рабочій пользуется орудіемъ, сдѣланнымъ другими рабочими.

Эти разсужденія позволяютъ Дюрингу, по его мнѣнію, рѣшительно отвергнуть то ученіе о квалифицированномъ трудѣ, которое развивается Марксомъ въ „Капиталѣ“. „Нельзя,—говоритъ Дюрингъ, допустить, какъ это самымъ туманнымъ образомъ представляетъ себѣ Марксъ, что рабочее время одного человѣка имѣетъ само по себѣ большую цѣнность, чѣмъ другого человѣка,—потому, что въ немъ какъ бы сгущено больше средняго рабочаго времени; нѣтъ, всякое рабочее время, безъ всякаго исключенія и принципіально, безъ того, чтобы даже надо было брать среднюю величину, совершенно равноцѣнно со всякимъ другимъ при выполненіи работы каждаго лица, какъ и во всякомъ готовомъ продуктѣ. Слѣдуетъ только присмотрѣться къ тому, сколько рабочаго времени другихъ лицъ могло скрытымъ образомъ заключаться въ кажущемся примѣненіи одного лишь собственнаго рабочаго времени. Идетъ ли рѣчь объ орудіи, которымъ работаетъ рука, или о самой рукѣ, или о головѣ, если только все это не могло получить требуемаго свойства и работоспособности безъ другихъ людей, это нимало не нарушаетъ строгаго значенія теоріи. Но Марксъ въ своихъ разсужденіяхъ о цѣнности никакъ не можетъ избавиться отъ смущающаго его привидѣнія квалифицировальнаго рабочаго времени. Проникнуть въ суть вопроса въ этомъ направленіи воспрепятствовалъ ему заимствованный имъ у ученыхъ классовъ образъ мыслей, для котораго представляется чудовищнымъ признать рабочее время рабочаго, возящаго тачку, равноцѣннымъ съ рабочимъ временемъ архитектора“.

Какъ извѣстно, полемическое сочиненіе, называемое обыкновенно, ради краткости, Анти-Дюрингомъ, было написано Энгельсомъ при непосредственномъ участіи Маркса, причемъ главы, въ которыхъ рѣчь идетъ о вопросахъ политической экономіи, если не цѣликомъ написаны Марксомъ, то во всякомъ случаѣ имъ редактированы. Такимъ образомъ, содержащійся отвѣтъ на приведенную выше критику Дюринга можно смѣло признать отвѣтомъ самого Маркса. Посмотримъ же, каковы доводы Маркса въ пользу его теоріи квалифицированнаго труда.

Марксъ, какъ извѣстно, признаетъ, что цѣнность товаровъ (слово „товары“ поставлено здѣсь потому, что Марксъ изслѣдуетъ исключительно товарное производство, не касаясь предшествующихъ стадій) опредѣляется содержащимся въ нихъ человѣческимъ трудомъ. Подъ человѣческимъ трудомъ Марксъ подразумѣваетъ, говоря его же словами: „расходованіе простой рабочей силы, какою въ среднемъ обладаетъ всякій обыкновенный человѣкъ въ своемъ тѣлесномъ организмѣ безъ особаго развитія... Сложный трудъ имѣетъ значеніе лишь какъ возведенный въ степень или скорѣе умноженный простой трудъ, такъ что меньшее количество сложнаго труда равно большему количеству простого труда. Что это приведеніе постоянно происходитъ, показываетъ опытъ. Товаръ можетъ быть продуктомъ сложнѣйшей работы, его цѣнность уравниваетъ его продукту простого труда и поэтому сама представляетъ лишь опредѣленное количество простого труда. Различныя пропорціи, въ которыхъ различные роды труда приводятся къ простому труду, какъ къ единицѣ мѣры, устанавливаются общественнымъ процессомъ за спиною производителей, а поэтому послѣднимъ кажется, какъ будто онѣ даны обычаемъ“.

Въ „Анти Дюрингѣ“ это положеніе поясняется слѣдующимъ образомъ.

Прежде всего рѣчь идетъ вовсе не о какой-либо абсолютной цѣнности, т. е. не о теоріи цѣнности, примѣнимой къ какимъ угодно общественнымъ формамъ. Теорія относится исключительно къ товарному производству, т. е. ея необходимою предпосылкою является существованіе частныхъ производителей, производящихъ товары за свой счетъ и обмѣнивающихся съ другими такими же производителями. Итакъ, рѣчь идетъ не о какой-то „цѣнности вообще“, но о *цѣнности товаровъ*. Эта цѣнность создается и измѣряется воплощеннымъ въ товарахъ человѣческимъ трудомъ, трудъ же этотъ оказывается расходованіемъ простой рабочей силы. Но не всякій трудъ есть только расходованіе простой рабочей силы. Очень многіе роды труда включаютъ въ себѣ примѣненіе ловкости и знаній, пріобрѣтаемыхъ съ большимъ или меньшимъ трудомъ, съ расходованіемъ времени и денегъ. Производятъ-ли эти роды

сложнаго труда, — спрашиваетъ Марксъ, — въ разные промежутки времени ту же самую товарную цѣнность, какъ и простой трудъ, т. е. расходованіе простой рабочей силы? Очевидно нѣтъ, — отвѣчаетъ онъ.

Продуктъ часового сложнаго труда есть товаръ, обладающій болѣе высокой, двойной, тройной и т. п. цѣнностью, по сравненію съ продуктомъ простого труда. Это, по словамъ Маркса, простой фактъ, ежедневно совершающійся передъ нашими глазами въ капиталистическомъ обществѣ. Фактъ этотъ настолько неоспоримъ, что самъ Дюрингъ, ни въ своемъ „Курсѣ политической экономіи“, ни въ своей „Критической исторіи политической экономіи“ не осмѣливается оспаривать его. Всякій фабрикантъ, который не имѣлъ бы въ виду этого факта, неминуемо пришелъ бы къ банкротству. Но Дюрингъ, по словамъ Маркса, заставляетъ насъ сдѣлать прыжокъ отъ нынѣшняго капиталистическаго міра въ міръ придуманной имъ будущей коммуны, гдѣ будетъ царствовать идеальное равенство. Не мѣшаетъ поэтому приглядѣться и къ этому будущему міру. Тамъ будутъ признавать „цѣнность всякаго рабочаго времени“ равною „цѣнности всякаго другого рабочаго времени“! Съ этой точки зрѣнія Дюрингъ обрушивается на „туманное представленіе“ Маркса, состоящее въ томъ, что рабочее время одного человѣка имѣетъ большую цѣнность, чѣмъ рабочее время другого человѣка.

Къ несчастію для Дюринга, оказывается, что этого туманнаго представленія у Маркса никогда *не было и не могло быть* — и по очень простой причинѣ, а именно потому, что, по Марксу, *рабочее время вообще никакой цѣнности имѣть не можетъ*.

По ученію Маркса, рабочее время *создаетъ* и *измѣряетъ* цѣнность. Значитъ-ли это,—спрашиваетъ Марксъ,—что оно само имѣетъ цѣнность? Ничуть не значитъ. Говоря о цѣнности, производимой простымъ и сложнымъ трудомъ, Марксъ нарочно дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: „Читатель долженъ замѣтить, что здѣсь идетъ рѣчь не о вознагражденіи и не о цѣнности, получаемой рабочимъ, скажемъ, за одинъ рабочій день, но о цѣнности товаровъ, въ которыхъ этотъ рабочій день воплощается“.

Оказывается такимъ образомъ, что не Марксъ, а Дюрингъ заимствовалъ нѣкоторые „предразсудки ученыхъ классовъ“. Вмѣстѣ съ этими учеными классами онъ не можетъ себѣ представить рабочее время иначе, какъ имѣющимъ опредѣленную цѣнность, сообразно съ которою рабочіе получаютъ свою долю общественнаго продукта. На той кухнѣ будущаго, которая придумана Дюрингомъ, эта доля, хотя не будетъ называться заработной платой, во всякомъ случаѣ, будетъ построена *по принципу заработной платы*.

По Марксу рабочее время, а слѣдовательно и трудъ, вовсе

не имѣетъ цѣнности. Цѣнность есть ничто иное какъ воплощенное рабочее время. Сказать, что рабочее время имѣетъ цѣнность, это тоже, что сказать, что цѣнность имѣетъ цѣнность, или, что сила тяжести имѣетъ тяжесть. Положеніе, утверждающее, что рабочее время, а стало быть и трудъ, не имѣетъ цѣнности, хотя *рабочая сила* продается какъ товаръ, это положеніе очень важно для теоретика, допускающаго возможность эмансипаціи рабочей силы отъ положенія товара. Вмѣстѣ съ тѣмъ, падаютъ всѣ нелѣпые утопическіе планы, приводящіеся къ тому, чтобы вознаграждать трудъ въ нѣкоей коммунѣ по цѣнности рабочаго времени, т. е., въ сущности, по цѣнности рабочей силы, чѣмъ увѣковѣчился бы принципъ заработной платы. Въ противоположность этому надо выдвинуть принципъ, по которому распредѣленіе (по скольку въ немъ играютъ роль чисто экономическія начала, а не соображенія морали, относящіяся, напр., къ больнымъ, къ дѣтямъ и т. п.), должно регулироваться *интересами производства*. Эти же послѣдніе требуютъ, для достиженія наивысшей возможной производительности и наивысшихъ качествъ труда, такой организаціи распредѣленія, которая дозволяетъ всѣмъ членамъ общества возможно болѣе полное и всестороннее развитіе ихъ способностей. „Для господина Дюринга должно конечно показаться чудовищнымъ,—говоритъ Марксъ,—что когда-либо не будетъ ни рабочихъ, исключительно возящихъ тачки, ни даже архитекторовъ по профессіи“.

Итакъ, если Дюринга смущаетъ то обстоятельство, что, при допущеніи квалифицированнаго труда, вознагражденіе за расходованіе рабочей силы неодинаково для рабочихъ разныхъ отраслей, то это плодъ его непониманія теоріи. Когда говорится о цѣнности, производимой квалифицированнымъ трудомъ, то при этомъ и рѣчи нѣтъ о величинѣ *вознагражденія* этого труда. Можетъ даже случиться, что какой-либо квалифицированный рабочій производитъ сравнительно гораздо большую цѣнность и тѣмъ не менѣе вознаграждается хуже неквалифицированнаго рабочаго. Это мы и видимъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ встрѣчается значительное развитіе, такъ наз. интеллигентнаго пролетаріата. Для того, чтобы утвержденіе Дюринга имѣло характеръ настоящаго возраженія, необходимо было бы прямо сказать, что цѣнность, производимая, скажемъ, втеченіе часа квалифицированнаго труда, всегда равна по величинѣ цѣнности, производимой часомъ простого труда. Но это очевидно несправедливо, даже для двухъ рабочихъ одной и той же отрасли, занимающихся простымъ трудомъ. Понятіе простого труда пріобрѣтаетъ смыслъ только какъ среднее изъ многихъ случаевъ. Если взять двухъ рабочихъ, хотя бы такъ наз. чернорабочихъ, то, смотря по ихъ искусству и интенсивности ихъ работы, одинъ будетъ всегда производить большую цѣнность

чѣмъ другой. Этому горю,—говоритъ Марксъ,—не пособитъ никакая коммуна,—по крайней мѣрѣ на земномъ шарѣ.

Что касается собственно вознагражденія сложнаго труда, то въ капиталистическомъ обществѣ, каковы бы ни были частныя исключенія, безъ сомнѣнія, сложный трудъ, вообще говоря, вознаграждается выше простого. Причина ясна: обученіе искуснаго рабочаго требуетъ гораздо большихъ издержекъ, которыя и должны быть оплачены нанимателемъ.

Допустимъ, однако, что такія издержки оплачивались бы *обществомъ*. Для этого не надо, собственно говоря, даже заглядывать въ будущее. Фактически теперь уже врачи и многіе другіе представители сложнаго труда получаютъ образованіе на государственный или общественный (напр., земскій) счетъ въ томъ случаѣ, когда обучаются даромъ и имѣютъ стипендіи. Тогда очевидно, что общество должно пользоваться болѣе высокою цѣнностью, производимою сложнымъ трудомъ, и это фактически обнаруживается въ томъ случаѣ, когда, напр., врачъ долженъ, за сравнительно ничтожный гонораръ, отслужить свою стипендію. Эти примѣры мы нарочно заимствуемъ изъ обыденныхъ фактовъ дѣйствительности. Марксъ же выводитъ изъ своего принципа слѣдующее ученіе: притязаніе рабочихъ на полученіе „полнаго продукта“ своего труда не можетъ быть безусловно поддерживаемо. То, что дано рабочему обществомъ, должно остаться на пользу общества. Легко представить себѣ такое положеніе дѣла, когда сложный трудъ, производя гораздо болѣе высокія цѣнности, тѣмъ не менѣе вознаграждается немногимъ выше или вовсе не выше простого труда. Если же рѣчь идетъ о гаданіяхъ насчетъ будущаго, то можно надѣяться, что со временемъ не будетъ ни рабочихъ, исключительно занятыхъ простымъ трудомъ, ни такихъ, которые будутъ гнушаться этимъ трудомъ. Такимъ образомъ и самое различіе между простымъ и сложнымъ трудомъ смягчится или даже совершенно устранится.

Отсюда ясно, что и Марксъ не отвергалъ (какъ мнѣ первоначально казалось) *объективныхъ* условій, вліяющихъ на ту или иную квалификацію труда. Искусство и интенсивность труда зависятъ, разумѣется, въ значительной мѣрѣ отъ индивидуальныхъ способностей, т. е. отъ субъективныхъ свойствъ рабочей силы. Но даже самыя выдающіяся способности могутъ заглохнуть безъ надлежащей культивировки, а эта послѣдняя слишкомъ обусловливается принадлежностью къ тому или иному классу общества. Человѣкъ не родится ни архитекторомъ, ни чернорабочимъ. Квалификація того или иного труда есть поэтому, главнымъ образомъ, продуктъ объективныхъ общественныхъ условій [1]).

[1]) Можно еще добавить, что одинъ и тотъ же трудъ въ одномъ обществѣ

III.

Мы видимъ такимъ образомъ, что и съ точки зрѣнія Маркса объективныя условія вліяютъ на квалификацію труда, а слѣдовательно и на величину производимой имъ цѣнности. Однако это вліяніе Марксъ понимаетъ въ совершенно иномъ смыслѣ, нежели Дюрингъ, и сравненіе взглядовъ Маркса и Дюринга поможетъ намъ разобраться въ этомъ вопросѣ.

Теорія Дюринга, если придать ей болѣе точное выраженіе, на первый разъ кажется еще болѣе простою, чѣмъ ученіе Маркса. Дѣйствительно, что можетъ быть проще предположенія, состоящаго въ томъ, что всякаго рода трудъ производитъ въ единицу времени такую же цѣнность, какъ всякій другой трудъ? Дюрингъ запрещаетъ даже брать среднія величины! Архитекторъ и каменьщикъ, взрослый и ребенокъ, прилежный и лѣнивый (котораго такъ не любятъ буржуазные экономисты), англичанинъ и индусъ,—всѣ вообще люди, дѣйствительно, абстрактно равны между собой—*какъ люди, какъ личности.* Изъ этого совершенно вѣрнаго положенія Дюрингъ выводитъ, что всѣ люди производятъ и равныя цѣнности. Правда, онъ выражаетъ это иначе, говоря о равенствѣ цѣнностей ихъ рабочаго времени—но мы уже видѣли изъ возраженій Маркса, что такая формулировка совсѣмъ неудачна. Истинный смыслъ утвержденій Дюринга, однако, тотъ, что производимыя цѣнности зависятъ лишь отъ продолжительности труда и болѣе ни отъ чего другого. Однимъ словомъ для Дюринга всякій трудъ есть то, что для Маркса абстрактный простой трудъ. Марксъ утверждаетъ, что это положеніе Дюринга противорѣчитъ очевиднымъ фактамъ и что каждый фабрикантъ обанкротился бы, если бы сталъ слѣдовать подобной теоріи. Но мы видѣли, что Дюрингъ пытается примирить свою теорію съ фактами и сами по себѣ „факты“, безъ анализа ихъ теоріей, здѣсь говорятъ мало. Пусть производимыя цѣнности не одинаковы, но Дюрингъ ищетъ причину различія въ томъ, что въ случаѣ болѣе высокихъ цѣнностей въ нихъ неявнымъ образомъ входитъ трудъ *другихъ* людей, затраченный или на обученіе того работника, который производитъ большую цѣнность, или на доставленіе ему орудія, посредствомъ котораго тотъ работаетъ. Разсмотримъ оба эти предположенія.

Ремесленникъ обучаетъ ученика, не производившаго до тѣхъ поръ никакихъ цѣнностей, и достигаетъ того, что ученикъ начинаетъ производить цѣнности и со временемъ становится такимъ

можетъ считаться высоко квалифицированнымъ, въ другомъ, наоборотъ, приближаться къ простому труду.

же искуснымъ рабочимъ, какъ самъ мастеръ, который такимъ образомъ какъ бы удвоилъ самого себя. Если ученикъ остается подмастерьемъ у ремесленника, то этимъ путемъ мастеръ, затративъ извѣстный трудъ на обученіе, создалъ — однако не изъ ничего, а изъ способностей своего ученика — новую рабочую силу, равную своей собственной, которую онъ теперь, по допущенію, эксплоатируетъ въ роли предпринимателя или мелкаго капиталиста. Итакъ, затративъ извѣстный трудъ и примѣнивъ его къ пластическому человѣческому матеріалу, мастеръ тѣмъ самымъ, повидимому, создалъ для общества новый источникъ цѣнностей, а для себя самого—источникъ прибавочной цѣнности.

Однако, на самомъ дѣлѣ, вопросъ этотъ гораздо сложнѣе чѣмъ кажется на первый взглядъ. Если бы ученикъ былъ рабомъ или даже членомъ средневѣковаго цеха, то дѣло обстояло бы сравнительно просто. Но если мы допустимъ, что рѣчь идетъ о современномъ обществѣ, то отношенія ученика къ мастеру основаны на *договорѣ* между ученикомъ и мастеромъ,—или между родителями ученика и тѣмъ же мастеромъ, если ученикъ былъ отданъ въ ученіе съ малыхъ лѣтъ. Затѣмъ, оставаясь у мастера впослѣдствіи въ роли подмастерья, ученикъ опять таки находится въ *договорныхъ* условіяхъ и получаетъ ту или иную заработную плату. Такимъ образомъ, рѣчь идетъ не только о созданіи цѣнностей, но и томъ, что подмастерье продаетъ по договору (хотя бы и не писанному) свою рабочую силу, какъ товаръ. Если отъ ремесленника перейдемъ къ крупному капиталисту, тамъ отношенія окончательно преобразуются. Капиталистъ порою основываетъ школы для фабричныхъ дѣтей, но никакъ не съ обязательствомъ съ ихъ стороны стать по окончаніи школы рабочими на его фабрикѣ. Онъ покупаетъ уже готовую, зрѣлую, сразу пригодную къ употребленію рабочую силу. Переходныя формы мы наблюдаемъ лишь въ нѣкоторыхъ производствахъ, напр., въ типографскомъ дѣлѣ, гдѣ и до сихъ поръ берутъ учениковъ на ремесленномъ основаніи.

Въ развитой формѣ капиталистическаго производства мы имѣемъ такимъ образомъ дѣло съ обученіемъ рабочаго, какъ съ совершившимся фактомъ: неподготовленный къ дѣлу просто не найдетъ работы и во всякомъ случаѣ самъ предприниматель не приметъ на себя роли его учителя.

Обученіе въ капиталистическомъ обществѣ является отчасти заботою тѣхъ самыхъ лицъ, которыя ищутъ работы и должны предварительно обучить самихъ себя или первоначально браться лишь за хуже всего оплачиваемую работу. Иногда оно становится дѣломъ общественнымъ: заводятъ, напр., школы для обученія типографскому дѣлу и множество другихъ профессіональныхъ и тех-

ническихъ школъ. Германія хлопотала объ этомъ въ шестидесятыхъ годахъ, а Россія въ настоящее время усиленно занята этимъ вопросомъ. Болѣе или менѣе привилегированные рабочіе, пока въ нихъ ощущается недостатокъ, оплачиваются сравнительно дорого; но вопросъ о заработной платѣ здѣсь насъ не касается. Мы уже видѣли, что Марксъ предостерегаетъ отъ смѣшенія его съ вопросомъ, насъ занимающимъ. Насъ интересуетъ лишь вопросъ производства цѣнностей. Предположимъ, что какіе либо спеціальные рабочіе обучаются на общественный счетъ въ школахъ. Допустимъ, что издержки, понесенныя обществомъ на обученіе этихъ рабочихъ, впослѣдствіи будутъ оплачены потребителями продуктовъ, произведенныхъ этими рабочими. Издержки входятъ, стало быть, въ составъ цѣнностей, производимыхъ обученными рабочими. Можно поэтому допустить, что сравнительно высокая цѣнность, производимая обученнымъ рабочимъ, зависитъ отъ того, что въ нее вложена скрытымъ образомъ извѣстная доля цѣнности, *созданной его учителями* и вложенной по частямъ во всѣхъ учениковъ.

Но какимъ образомъ это происходитъ?

Трудъ учителя весьма *производителенъ*, поскольку онъ содѣйствуетъ развитію способностей учениковъ; но если даже учитель обучаетъ работамъ, непосредственно воплощаемымъ въ продукты, легко становящіеся товарами, напр., если онъ обучаетъ шитью сапогъ, то и въ этомъ случаѣ онъ не создаетъ ни атома цѣнности до тѣхъ поръ, пока сапоги, сшитые учениками, не становятся дѣйствительно товаромъ, а не выставляются въ школѣ, какъ образецъ для подражанія другимъ ученикамъ. Учитель, торгующій произведеніями учениковъ, уже не учитель въ настоящемъ смыслѣ слова. Когда ученикъ начинаетъ самостоятельно шить сапоги и продавать ихъ, то онъ продаетъ уже продукты *своего* труда, причемъ источникъ цѣнности лежитъ въ его собственной рабочей силѣ, развитой, при помощи учителя, его собственной воспріимчивостью.

Такимъ образомъ объясненіе Дюринга еще ничего не объясняетъ. Ученикъ не сохраняетъ цѣнностей, создаваемыхъ учителемъ и не присваиваетъ ихъ, до тѣхъ поръ, пока учитель снабжаетъ его не цѣнностями, а знаніями, которыя вдобавокъ должны быть усвоены трудомъ самого ученика.

По вопросу о квалификаціи труда посредствомъ обученія, необходимо прежде всего помнить аксіому экономической науки, а именно слѣдующее:

„Цѣнность не можетъ быть создана изъ ничего. Она образуется либо изъ вновь открытыхъ источниковъ цѣнности или путемъ переноса и сохраненія прежнихъ цѣнностей“. Вопросъ о томъ, каковы новые источники цѣнности, мы здѣсь оставляемъ открытымъ.

Само собою разумѣется, что всякій трудъ, способный создавать цѣнности—разумѣется, если вообще допустить эту способность—способенъ создавать и *прибавочныя* цѣнности въ томъ случаѣ, если сама рабочая сила стала предметомъ отчужденія. И обратно, если трудъ неспособенъ создавать цѣнности, то онъ не можетъ создать и прибавочной цѣнности.

Если, для краткости, способность создавать цѣнности мы назовемъ валентностью труда, то можно сказать, что въ капиталистическомъ обществѣ *всякій* трудъ, независимо отъ того, создаетъ ли онъ какіе-либо матеріальные предметы, или какіе-либо виды физической энергіи, является ли онъ съ какой-либо индивидуальной точки зрѣнія простымъ толченіемъ воды въ ступѣ или, наоборотъ, также съ какой-либо индивидуальной точки зрѣнія, имѣетъ характеръ весьма полезнаго труда—однимъ словомъ всякій вообще трудъ можетъ *при извѣстныхъ условіяхъ* стать валентнымъ. Для этого достаточно, чтобы такой трудъ удовлетворялъ общественно-признанной потребности и былъ, поэтому, способенъ *отчуждать* свою рабочую силу. Этимъ разрушается теорія Адама Смита, который смѣшивалъ понятія производительности и валентности. Если-же признать производительнымъ лишь трудъ, удовлетворяющій весьма широкой общественной потребности, то, разумѣется, многіе виды труда, даже создающаго очень высокія цѣнности, напр., труда ювелира, окажутся мало производительными. Но понимаемая такимъ образомъ производительность вообще недоступна количественному измѣренію. Какъ опредѣлить, во сколько разъ потребность въ желѣзѣ превышаетъ потребность въ алмазахъ? Иное дѣло валентность. Это способность производить цѣнности, совершенно независимая отъ тѣхъ или иныхъ спеціальныхъ мѣрилъ полезности и довольствующаяся совершенно неопредѣленнымъ утвержденіемъ того, что данный продуктъ или результатъ труда пользуется общественнымъ признаніемъ, т. е. находитъ сбытъ на рынкѣ. Съ этой точки зрѣнія „производителенъ“, т. е., точнѣе, способенъ создавать цѣнности и трудъ учителя. Если же его рабочая сила превратилась въ товаръ, то послѣ такого превращенія, она создаетъ и *прибавочныя* цѣнности. Цѣнность труда, созданная учителемъ, оплаченная ученикомъ или кѣмъ бы то ни было, не можетъ исчезнуть безслѣдно. Извѣстная величина ея передается рабочей силѣ ученика, которая, въ силу этого, дѣйствительно, обладаетъ сложною цѣнностью, т. е. квалифицируется. Дюрингъ совершенно упустилъ изъ виду именно условія, необходимыя для превращенія рабочей силы въ товаръ.

По этому поводу слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ по исторіи вопроса.

Основатель классической школы политической экономіи,

Адамъ Смитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ первымъ изъ экономистовъ, указавшимъ правильный методъ изученія экономическихъ явленій. Онъ въ одно и то же время пользовался и чисто дедуктивными построеніями, и историческимъ матеріаломъ. Онъ не разсматривалъ экономическій строй общества, какъ неподвижную схему, и въ своей полемикѣ предшественниками обнаружилъ ясное пониманіе того, что теоріи возникаютъ изъ потребностей жизни и находятся въ связи съ общественнымъ состояніемъ.

Болѣе одностороннее направленіе приняла экономическая наука въ трудахъ Рикардо. Какъ замѣтилъ Марксъ еще въ своей „Критикѣ политической экономіи“: „Рикардо разсматриваетъ буржуазную форму труда, какъ вѣчную, естественную форму общественнаго труда. Онъ заставляетъ первобытнаго рыбака и охотника сразу выступать владѣльцами товаровъ и обмѣнивать рыбу и дичь, сообразно рабочему времени, заключенному въ этихъ мѣновыхъ цѣнностяхъ. При этомъ онъ впадаетъ въ анахронизмъ, допуская, что первобытный рыбакъ и охотникъ, для учета своихъ орудій труда, обращается къ таблицамъ учета процентовъ и погашенія капитала, принятымъ въ 1817 г. на лондонской биржѣ“. Марксъ, однако, воздаетъ должное той проницательности, съ которою Рикардо анализировалъ собственно буржуазную экономію. Въ этой послѣдней верховное значеніе имѣетъ мѣновая цѣнность. Но цѣнность есть количественное понятіе, а поэтому и неудивительно, что Рикардо придалъ своимъ построеніямъ математическую форму, поясняя ихъ всюду числовыми примѣрами. Иначе и быть не можетъ, когда рѣчь идетъ о хозяйствѣ, въ которомъ такую роль играетъ коммерческій разсчетъ, требующій точной бухгалтеріи. Благодаря точной формулировкѣ понятій, Рикардо удалось во многомъ пойти дальше Смита: въ вопросахъ, требовавшихъ количественныхъ соображеній, какъ, напр., въ вопросѣ о различіи между цѣнностью продуктовъ труда и заработной платой или „цѣнностью рабочей силы“ и въ вопросѣ о дифференціальной рентѣ Рикардо избѣжалъ того смѣшенія понятій, въ которое иногда впадалъ Смитъ, довольствовавшійся довольно неопредѣленной формулировкой своихъ основныхъ опредѣленій.

Джонъ Стюартъ Милль, едва ли не болѣе какого бы то ни было другого экономиста настаивавшій на дедуктивномъ характерѣ политической экономіи, не воспользовался однако въ достаточной мѣрѣ даже методомъ своего учителя Рикардо. Многія чисто фактическія изслѣдованія Милля, напр., о половничествѣ, сохраняютъ значеніе до сихъ поръ, но большинство дедукцій этого мыслителя представляютъ смѣсь ученія Рикардо съ воззрѣніями самыхъ различныхъ писателей, частью буржуазнаго, частью соціалистическаго лагеря.

Ученіе Маркса на первый взглядъ кажется строго дедуктивнымъ и порою даже схоластическимъ. Стоитъ, однако, понять, что для Маркса всѣ экономическія формы представляютъ плодъ эволюціи, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ его лицѣ мы видимъ представителя не какой-либо мертвой абстрактной догмы, но основателя научной критики существующихъ экономическихъ отношеній,—критики, исходящей изъ исторической точки зрѣнія. Отношеніе Маркса къ труду Моргана, ярко выразившееся въ тѣхъ указаніяхъ, которые были сохранены Энгельсомъ, показываетъ, что Марксъ стоялъ на широкой соціологической почвѣ, и если онъ не провелъ своего взгляда на эволюцію экономическихъ отношеній съ достаточной полнотою, то лишь потому, что въ своемъ „Капиталѣ“ и не задавался подобной задачей, но ограничился изслѣдованіемъ сравнительно ничтожнаго періода въ экономической исторіи человѣчества. Дополнить трудъ Маркса съ соціологической точки зрѣнія лишь отчасти удалось уже Энгельсу, Каутскому, Куннову и въ особенности Бюхеру, хотя слѣдуетъ сильно пожалѣть о томъ, что этотъ послѣдній авторъ имѣетъ довольно неправильныя представленія объ одной изъ важнѣйшихъ экономическихъ эпохъ, а именно объ экономикѣ античнаго міра.

Такимъ образомъ связь между экономической наукой и соціологическими изслѣдованіями можетъ въ настоящее время считаться вполнѣ установленной. Уже самое ученіе экономическаго матеріализма, обоснованное Марксомъ, диктовало эту связь, даже подчиняя соціологію—политической экономіи. Здѣсь, однако, идетъ рѣчь объ иномъ: для насъ важенъ вопросъ, поскольку всѣ вообще экономическія категоріи общепримѣнимы ко всевозможнымъ общественнымъ формамъ и поскольку онѣ связаны лишь съ опредѣленными экономическими формами? Трудъ, напр., есть категорія, общая всѣмъ формамъ человѣческой общественности. Такой же общей категоріей является сотрудничество (кооперація). Но относительно обмѣна уже могутъ явиться сомнѣнія, а относительно ренты, если употреблять этотъ терминъ въ смыслѣ Рикардо, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что эта категорія отсутствуетъ у весьма многихъ народовъ, у которыхъ уже существуетъ значительное раздѣленіе труда. Вообще, за исключеніемъ труда и сотрудничества, едва ли можно указать хотя бы на одно понятіе, заимствованное изъ области экономическихъ отношеній, которое было бы примѣнимо ко всевозможнымъ стадіямъ общественнаго развитія и ко всевозможнымъ обществамъ.

Краеугольнымъ камнемъ буржуазной экономіи является понятіе о мѣновой цѣнности. Спрашивается, можетъ ли это понятіе примѣняться въ одинаковомъ значеніи и къ наименѣе культурнымъ изъ извѣстныхъ намъ народовъ, и къ народамъ, у кото-

рыхъ господствовалъ рабскій трудъ—словомъ къ различнымъ общественнымъ формамъ, существенно несходнымъ съ современнымъ экономическимъ строемъ?

Предшественникъ Адама Смита, Джемсъ Стюартъ (Steuart) зналъ уже, что хотя товары и деньги существовали и въ феодальную эпоху и при господствѣ рабскаго труда, но *товаръ*, какъ основная форма богатства, принадлежитъ только буржуазной эпохѣ, и что *характеръ труда, создающаго мѣновую цѣнность, есть поэтому специфически буржуазный*. Отмѣтивъ эту заслугу Джемса Стюарта, Марксъ, съ другой стороны, ставитъ въ укоръ Адаму Смиту то обстоятельство, что Смитъ признаетъ существованіе обмѣна несомнѣннымъ во всѣхъ случахъ, когда существуетъ раздѣленіе труда. У древнихъ перуанцевъ,—говоритъ Марксъ,—трудъ былъ значительно раздѣленъ, хотя обмѣна продуктовъ, какъ товаровъ, не существовало.

Но до тѣхъ поръ, пока не было понято, что цѣнность есть историческая категорія и притомъ возникающая сравнительно поздно, трудно было понять и источникъ цѣнности. Правда, теорію трудовой цѣнности формулировалъ уже Веніаминъ Франклинъ, въ 1721 г., стало быть задолго до Смита и Рикардо, и что всего замѣчательнѣе, формулировка его близко подходитъ къ теоріи абстрактнаго труда, данной Марксомъ. Однако, какъ замѣчаетъ Марксъ, Франклинъ не развилъ понятія абстрактнаго труда и не усмотрѣлъ, что *понятіе это возникаетъ изъ процесса всесторонняго отчужденія индивидуальнаго труда*. Можно было бы привести еще много полемическихъ и чисто теоретическихъ замѣчаній Маркса, изъ которыхъ видно, что въ своей „Критикѣ политической экономіи“ и даже позднѣе въ первомъ томѣ „Капитала“, Марксъ признавалъ, что *свое полное развитіе законъ цѣнности получаетъ какъ разъ въ буржуазномъ обществѣ*.

Достаточно указать слѣдующія замѣчанія Маркса о Рикардо:

„Изслѣдованія Рикардо ограничиваются исключительно величиною цѣнности и относительно нея онъ, по крайней мѣрѣ, догадывается, что осуществленіе этого закона зависитъ отъ предварительнаго существованія опредѣленныхъ общественныхъ условій. Именно онъ говоритъ, что опредѣленіе цѣнности рабочимъ временемъ относится только къ тѣмъ товарамъ, которые промышленностью могутъ быть произвольно умножены и надъ производствомъ которыхъ господствуетъ неограниченная конкурренція. Въ дѣйствительности,—замѣчаетъ Марксъ,—это значитъ только, что законъ цѣнности для своего полнаго развитія требуетъ существованія крупнаго производства и неограниченной конкурренціи, т. е. современнаго буржуазнаго общества.“

Сопоставивъ эти болѣе ранніе взгляды Маркса съ тѣмъ, что можно найти по тому же вопросу въ третьемъ томѣ „Капитала“,

мы увидимъ нѣкоторое противорѣчіе, быть можетъ и кажущееся, но во всякомъ случаѣ требующее разъясненія. Тамъ именно оказывается, что въ наиболѣе чистомъ видѣ законъ цѣнности проявляется не въ капиталистическомъ строѣ, а въ обществѣ простыхъ товаропроизводителей, совмѣщающихъ въ себѣ предпринимателей и рабочихъ. Здѣсь еще не мѣсто разобрать этотъ вопросъ, но пока отмѣтимъ, что во всякомъ случаѣ и простой товаропроизводитель производитъ *товары* и такимъ образомъ категорія цѣнности во всякомъ случаѣ и здѣсь связана съ *товарною* формою продукта.

Объясненіе Дюринга по вопросу объ обученномъ трудѣ хотя и не абсолютно ошибочно, но совершенно недостаточно. Дюрингъ правъ, разсматривая сложный трудъ обученнаго рабочаго, какъ результатъ кооперації или комбинаціи труда учителя съ трудомъ ученика; но если бы трудъ учителя былъ даровымъ и неспособнымъ *образовать* цѣнности, то онъ не могъ бы и *сообщить* никакихъ цѣнностей. Трудъ сообщаетъ цѣнность единственно въ силу того, что онъ самъ уже создаетъ ее и что его рабочая сила отчуждаема. Такой трудъ потенціально скрываетъ въ себѣ и способность образовать прибавочную цѣнность. И это, какъ мы замѣтили, свойственно *всякому* виду труда, разъ онъ признается въ капиталистическомъ обществѣ общественно необходимымъ и отчуждаемымъ. Трудъ англичанина-туриста, взбирающагося на Альпы, не создаетъ цѣнностей: но трудъ его проводника, совершающаго такое-же восхожденіе, создаетъ цѣнности. А если нѣсколько проводниковъ эксплуатируются капиталистомъ, то трудъ этотъ создаетъ и прибавочныя цѣнности.

Но Дюрингъ выставляетъ еще другой аргументъ: онъ говоритъ о томъ, что рабочій можетъ быть снабженъ орудіемъ производства, повышающимъ цѣнность производимаго имъ продукта, причемъ это повышеніе зависитъ отъ того, что и здѣсь скрытымъ образомъ въ трудѣ даннаго рабочаго участвуетъ трудъ другихъ людей, а именно тѣхъ, которые создали орудіе производства.

Обратимся опять къ нашему ремесленнику. Предположимъ, что это переплетчикъ, купившій усовершенствованную машинку для сшиванія листовъ книгъ, что гораздо скорѣе, чѣмъ шить ихъ руками. Онъ даетъ эту машину своимъ подмастерьямъ и получаетъ въ часъ втрое болѣе сшитыхъ листовъ, чѣмъ раньше. Допустимъ для простоты, что его мастерская занята исключительно сшиваніемъ книгъ и что онъ, пользуясь своимъ превосходствомъ надъ конкуррентами, понизилъ цѣну въ полтора раза. Это можетъ произойти, напр., такъ, что по количеству его мастерская выдѣлываетъ втрое болѣе, чѣмъ прежде. Купивъ машину, онъ такимъ образомъ увеличилъ вдвое массу добываемыхъ цѣнностей. Ремесленникъ будетъ твердо убѣжденъ въ томъ, что машина рабо-

таетъ на него и что именно она произвела новыя цѣнности. Онъ и правъ постольку, поскольку эти цѣнности возмѣщаютъ затраты на машину, разложенныя на все время ея существованія. Но если бы машина только вознаграждала затраты, то никто не сталъ бы ее покупать. Кромѣ возмѣщенія затратъ она должна, какъ говорится, давать извѣстную прибыль. Получить эту прибыль изъ ничего невозможно. Необходимо допустить одно изъ двухъ: или что машина сама создаетъ нѣкоторую прибавочную цѣнность, служащую источникомъ прибыли, или что эта цѣнность создается рабочими.

Предположеніе, что машина сама по себѣ способна создать прибавочную или вообще какую бы то ни было цѣнность я разберу особо, а пока остановлюсь на предположеніи, что эту цѣнность создаютъ рабочіе. Но является вопросъ, дѣлаютъ ли они это совершенно независимо отъ *цѣнности* машины или же тутъ есть какая либо зависимость?

По Марксу, зависимость состоитъ лишь въ томъ, что производительный трудъ рабочихъ переноситъ на продуктъ ту часть цѣнности машины, которая соотвѣтствуетъ ея изнашиванію. Но какова бы ни была эта цѣнность, она не оказываетъ ни малѣйшаго вліянія на величину цѣнности, вновь создаваемой рабочими, и на величину прибавочной цѣнности, составляющую часть этой вновь произведенной цѣнности.

Въ своихъ прежнихъ статьяхъ я высказалъ свои сомнѣнія относительно справедливости этой части доводовъ Маркса. И хотя теперь я убѣдился въ томъ, что сомнѣнія эти могутъ быть устранены, но мнѣ кажется, что радикальное устраненіе ихъ требуетъ болѣе точнаго опредѣленія понятій какъ квалификаціи, такъ и производительности труда.

Мы видѣли, что при обученіи, квалификація труда достигается тѣмъ, что трудъ учителя создаетъ цѣнности и рабочая сила его становится товаромъ. Высокая цѣнность эта понижается, если обученіе становится дешевымъ, даровымъ или излишнимъ. Усовершенствованное орудіе производства до извѣстной степени дѣлаетъ излишнимъ обученіе. Самый неискусный рабочій можетъ, путемъ самыхъ простыхъ пріемовъ, достичь съ помощью лучшихъ орудій того, чего не сдѣлаетъ самый искусный, помощью менѣе совершенныхъ орудій. Здѣсь стало быть индивидуальность рабочаго все болѣе утрачиваетъ значеніе и самое обученіе становится сравнительно весьма легкимъ. *Но вмѣстѣ съ тѣмъ, исчезаетъ и тотъ источникъ повышенной цѣнности, который присущъ обученному труду.* Трудъ все болѣе упрощается, и, при прочихъ равныхъ условіяхъ, цѣнности создаваемыя имъ въ единицу времени, должны понижаться, а не повышаться. Такимъ образомъ здѣсь мы имѣемъ случай, прямо

противоположный повышенной квалификаціи труда. Я имѣлъ полное основаніе говорить о кооперації мертваго труда съ живымъ, но дѣйствіе этой кооперації должно обнаружиться, при примѣненіи машинъ, въ направленіи какъ разъ противоположномъ повышенію квалификаціи труда. Здѣсь „мертвый подавляетъ живого“; накопленный и овеществленный трудъ препятствуетъ живому труду развить всѣ свои силы, искусный трудъ становится лишнимъ и замѣняется простымъ трудомъ. Конечно, это обстоятельство я имѣлъ въ виду и тогда, когда пытался внести „поправку“ въ теорію цѣнности, но не придавалъ ему должнаго значенія. Теперь я прихожу къ выводу, что именно оно не позволяетъ высказать положительно ничего апріорнаго относительно величины цѣнности, производимой рабочимъ, работающимъ при увеличенномъ постоянномъ капиталѣ, хотя, вообще говоря, повышающемъ производительность труда, но въ то же время обладающемъ тенденціей замѣнять искусный трудъ неискусснымъ, а стало быть—понижать его квалификацію. Нельзя, поэтому, сказать, что мой постулатъ ближе связанъ съ теоріей сложнаго труда, тѣмъ постулатъ Маркса: связность системы, наоборотъ на сторонѣ автора „Капитала“. Но если такъ, то слѣдуетъ всѣми силами попытаться объяснить всѣ наличные факты, исходя изъ предположенія настолько простого, какое вообще можетъ быть допущено безъ прямого противорѣчія съ логикой и съ фактами. Проще всего, конечно, предположеніе Дюринга: мы видѣли, однако, что оно критики не выдерживаетъ. Поэтому остается предположеніе Маркса: если оно не приводитъ систему къ внутреннимъ противорѣчіямъ и не опровергается прямо фактами [1]), мы должны имъ удовольствоваться. Остается, стало быть, показать, что при правильномъ пониманіи теоріи, никакихъ логическихъ и фактическихъ противорѣчій не будетъ. Надѣюсь, мнѣ это уже отчасти удалось при разборѣ антиномій, выставленныхъ Струве. Этого, однако, еще недостаточно. Необходимо показать, что всѣ вообще противорѣчія, поскольку они не зависятъ просто отъ непониманія теоріи, составляютъ плодъ иллюзіи, совершенно необходимой и зависящей отъ самой организаціи капиталистическаго производства. Когда это будетъ сдѣлано, тогда только придется убѣдиться окончательно въ томъ, что теоріей предусмотрѣна вся психологическая сторона вопроса, включая самое нелѣпое предположеніе, будто цѣнность можетъ производиться машиною даже безъ всякаго участія человѣка.

(*Окончаніе слѣдуетъ*). **М. Филипповъ.**

[1]) Послѣднее утверждаетъ напр., Туганъ-Барановскій, говоря о „мнимомъ фактѣ“ пониженія уровня прибыли; но читатели знаютъ, что по этому вопросу я съ самаго начала не соглашался съ Туганъ-Барановскимъ.

1-й экз.

1900 год VII-й

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 10.

ОКТЯБРЬ

Изданіе П. П. СОЙКИНА
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
д-ра филос. М. М. Филиппова.

Государств. публичная ИСТОРИЧЕСКАЯ библиотека
Р

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 Сентября 1900 г.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. О природѣ Рентгеновыхъ лучей. *Б. Вальтера*, пер. *О. Минора*. 1653
II. О чемъ повѣствуетъ лѣсъ. Проф. *Кона*, пер. *А. Филипповой* 1662
III. Бачебазство въ Средней Азіи. *В.* 1678
IV. Вопросы воздухоплаванія. *К. Ціолковскаго* 1689
V. Сѣверные славяне и борьба съ германскимъ духомъ. Проф. *Гирта* 1707
VI. Замѣтки читателя по поводу упраздненія Туганъ-Барановскимъ и Струве ученія Маркса о прибыли. *Н. Карелина* 1721
VII. Доброе старое время въ Ливоніи. *В. Ульриха.* (Окончаніе) 1736
VIII. Историческій матеріализмъ и практическій идеализмъ. *Сади Гунтера* 1759
IX. Ученіе Шопенгауэра о свободѣ воли. *С. Грузенберга.* (Окончаніе) 1775
X. Итоги полемики о цѣнности. *М. Филиппова* 1793
XI. Земельная неурядица въ Закавказьи. Кн. *Г. Туманова.* 1810
XII. Масарикъ противъ Маркса. *П. Берлина* 1840
XIII. Научныя новости:
1. Попытка опредѣленія спектрографическимъ путемъ скорости вращенія Венеры (Astr. Nachr.). 2. Отношеніе между грибами и водорослями (Amer. Nat.) 1845
XIV. Новыя книги:
1. Л. Кирилловъ. Къ вопросу о внѣземледѣльческомъ отходѣ. *С. Семенова.* 2. А. Велицынъ. Торжество соціализма. *П. Берлина* 1850
XV. Книги, присланныя въ редакцію для отзыва.
XVI. Приложенія:
1. Берне. Полное собраніе сочиненій. (Окончаніе).
2. XIX вѣкъ: Очеркъ исторіи естественныхъ наукъ. *Осборна* и *Даннемана.* Успѣхи отдѣльныхъ народностей. Проф. *Филиппсона.* Листы 10 и 11.

его литературной дѣятельности), Генрика Ибсена и, наконецъ, у насъ, въ Россіи — въ лицѣ гр. Л. Н. Толстого; и эта эпоха имѣетъ еще свою будущность, потому что, несмотря на свой *переходный* характеръ, она преслѣдуетъ величайшую *новую* культурную цѣль и имѣетъ своимъ лозунгомъ: «ex oriente—lux»: двѣ величайшія религіи міра-христіанство и буддизмъ, два вѣковѣчныхъ завѣта—«любви къ ближнему своему» и чаянія «нирваны» пытался *примирить* Шопенгауэръ въ своей этикѣ; *двѣ культуры*—азіатскую и европейскую пытался онъ слить воедино въ новомъ научномъ credo; два типа научнаго міропониманія—*пантеизмъ* съ его этикой подтвержденія воли къ жизни и *дуализмъ* съ его этикой отрицанія этой воли силился спаять Шопенгауэръ въ *синтезъ* пессимизма и оптимизма. Недаромъ онъ называлъ священныя книги Ману и Ведъ самыми глубокомысленными твореніями человѣческаго духа; вся задача философіи Шопенгауэра сводилась къ научному миссіонерству: отводя въ русло научнаго сознанія своеобразное міропониманіе *буддизма*, Шопенгауэръ пытался перевести буддистскій катехизисъ на языкъ европейской науки, перечеканить застывшіе рѣзцы азіатскаго мышленія въ новые слитки подвижной, свободной европейской мысли—и эта *перечеканка* понятій происходитъ и понынѣ...

Шопенгауэръ былъ «нигилистомъ»: да, но разрушая старое одной рукой, онъ, подобно библейскому герою, созидалъ новое другой рукой... Онъ училъ не для того, чтобы разрушать, а разрушалъ для того, чтобы на развалинахъ стараго возсоздавать великое, творить новое; недаромъ онъ не на шутку сравнивалъ себя съ Іоанномъ Крестителемъ, который благовѣствовалъ людямъ новую зарю...

И эта *новая* заря разгорается все ярче, все побѣднѣе надъ старымъ міромъ.

Какъ всякій геніальный творецъ-мыслитель, Шопенгауэръ былъ великій страстотерпецъ о человѣкѣ: но изъ всѣхъ печальниковъ о человѣчествѣ онъ былъ едва-ли не самымъ чуткимъ предвосхитителемъ культуры грядущаго [1]).

---

[1]) Блестящую характеристику вѣка Шопенгауэра даетъ Куно Фишеръ въ своемъ «Артурѣ Шопенгауэрѣ» (перев. подъ ред. В. П. Преображенскаго. М. 1896, стр. 4—7); картину культурной обстановки эпохи Шопенгауэра рисуетъ также Georg Jellinek въ своей монографіи: «Die Weltanschauung Leibnizens und Schopenhauer's, ihre Gründe und ihre Berechtigung». Eine Studie ueber Optimismus und Pessimismus. Wien, 1872.

Итоги полемики о цѣнности.

II.

Въ своемъ отвѣтѣ критикамъ, напечатанномъ въ № 3 „Научнаго Обозрѣнія“, Туганъ-Барановскій говоритъ, что по вопросу о цѣнности, до сихъ поръ признававшемуся яблокомъ раздора между экономистами, на самомъ дѣлѣ существуетъ полное согласіе. Этимъ Туганъ-Барановскій очевидно не хотѣлъ сказать, что о цѣнности никто не полемизируетъ—вѣдь сказать это, значило бы насмѣхаться надъ очевидными фактами — мысль его была та, что спорящія стороны не сознаютъ своего согласія. По мнѣнію Туганъ-Барановскаго, трудовая теорія и напр., теорія предѣльной полезности, не только не исключаютъ другъ друга, но „стоятъ рѣшительно на одной и той-же почвѣ“. Я не захожу такъ далеко и думаю, что почва у этихъ теорій—весьма различная. При нѣкоторой поправкѣ, мысль Туганъ-Барановскаго, окажется, однако, вѣрною. Справедливо, что возможны различныя теоріи цѣнности и что одна изъ нихъ не исключаетъ другой, но каждая хороша на своемъ мѣстѣ. Въ какомъ смыслѣ это надо понимать, будетъ видно изъ послѣдующаго.

Я уже неоднократно сравнивалъ постулатъ трудовой цѣнности съ постулатомъ Эвклида. Этотъ послѣдній, какъ извѣстно теперь всякому математику, не только не доказанъ, но и *недоказуемъ*. Самое существованіе геометріи Лобачевскаго и сферической геометріи, т. е. не-эвклидовскихъ геометрій, служитъ краснорѣчивѣйшимъ свидѣтельствомъ недоказуемости мнимой „аксіомы“ Эвклида. Что же? Слѣдуетъ-ли изъ этого, что вся геометрія древнихъ ровно никуда не годится? Вытекаетъ-ли отсюда, напр., что архитекторы, инженеры, геодезисты, астрономы не вправѣ пользоваться тѣмъ положеніемъ, что сумма внутреннихъ угловъ треугольника равна двумъ прямымъ,—положеніемъ, которое остается или падаетъ вмѣстѣ съ эвклидовскимъ постулатомъ? Лишь совершенное непониманіе научныхъ методовъ могло привести къ требованію доказать то, что само находится въ основѣ доказательствъ. Этимъ непониманіемъ

слѣдуетъ объяснить и требованія, предъявляемыя иногда трудовой теоріи. Такъ, одинъ изъ критиковъ теоріи, г. Залѣсскій, слѣдуя по стопамъ Бемъ-Баверка, говоритъ: „Неужели у товаровъ есть только одно общее свойство — затрата труда на ихъ производство? Напротивъ, у нихъ очень много одинаковыхъ общественныхъ свойствъ. Такими общественными свойствами можетъ быть названо, напр., то обстоятельство, что товары являются объектами права собственности, что они — предметъ спроса и предложенія. А разъ это такъ, разъ товарамъ, кромѣ факта затраты труда на ихъ производство, обще и еще кое-что, то Марксово положеніе, что цѣнность есть кристаллизованный трудъ, оказывается не выводомъ, какъ это можетъ съ перваго раза показаться, а предположеніемъ. Какъ предположеніе, оно нуждается въ доказательствахъ. Посмотримъ, чѣмъ же доказывается у Маркса это положеніе? Ничѣмъ. Доказательствъ нѣтъ... Родбертусъ былъ въ этомъ отношеніи гораздо добросовѣстнѣе. Трудовую теорію цѣнности онъ прямо назвалъ предположеніемъ“.

Критикъ думаетъ, конечно, что, указавъ на бездоказательность постулата трудовой теоріи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сокрушилъ и все ученіе. Могу его увѣрить, что онъ доказалъ лишь свое собственное незнакомство съ методами точныхъ наукъ, несмотря на частыя экскурсіи въ области физики и химіи. Геометрія, несомнѣнно, твердо обоснованная и точная наука. Но будемъ разсуждать по рецепту г. Залѣсскаго. Постулатъ Эвклида не доказанъ. Всѣ предлагавшіяся доказательства оказались призрачными, основанными какъ разъ на томъ, что требуется доказать. Постулатъ этотъ оказывается не выводомъ, какъ это можетъ съ перваго взгляда показаться, а предположеніемъ. Какъ предположеніе онъ, если вѣрить г. Залѣсскому, „нуждается въ доказательствахъ“. Но вотъ явился Лобачевскій и показалъ, что постулатъ не только не доказанъ, но и недоказуемъ, что можно создать „мнимую“ геометрію, которая вмѣсто этого постулата принимаетъ другой. Надъ Лобачевскимъ сначала смѣялись, но онъ оказался правъ. Позднѣе явился Бельтрами, который показалъ, что эта „мнимая“ геометрія на самомъ дѣлѣ примѣнима къ извѣстнымъ реальнымъ геометрическимъ протяженіямъ.

Въ упомянутой уже статьѣ, Туганъ-Барановскій высказалъ нѣкоторыя мысли, имѣющія прямое отношеніе къ занимающему насъ вопросу.—„Съ чисто формальной стороны, говоритъ Туганъ-Барановскій, можно было-бы построить теорію цѣнности, признающую единственнымъ факторомъ цѣнности любой факторъ производства, участвующій въ созданіи цѣнныхъ предметовъ. Можно было бы, напр., построить теорію, по которой цѣнность создается не женскимъ трудомъ, а мужскимъ... Подобная теорія была-бы нелѣпа

не потому, что она противорѣчитъ фактамъ, ибо она противорѣчитъ имъ нисколько не больше и не меньше трудовой теоріи. Ея нелѣпость заключалась бы въ томъ, что предположеніе объ исключительной производительности мужского труда ни для кого не нужно, не оправдывается никакими методологическими соображеніями, между тѣмъ, какъ столь-же произвольное предположеніе объ исключительной производительности человѣческаго труда вообще можетъ быть полезно въ методологическомъ отношеніи“. Способъ выраженія Туганъ-Барановскаго отличается отъ моего; но несомнѣнно, что онъ хотѣлъ здѣсь выразить ту мысль, что трудовая теорія есть не болѣе, какъ постулатъ. Туганъ-Барановскій, конечно, не призналъ возможнымъ, вслѣдъ за г. Залѣсскимъ, отвергнуть этотъ постулатъ только на томъ основаніи, что онъ не доказанъ.

Обнаруживъ такимъ образомъ ясное пониманіе значенія научныхъ постулатовъ, Туганъ Барановскій, повидимому, долженъ былъ удовольствоваться ихъ „методологическимъ значеніемъ“. Тѣмъ болѣе удивляютъ меня другія разсужденія Туганъ-Барановскаго, идущія прямо въ разрѣзъ съ правильной оцѣнкой значенія постулатовъ. „Отсюда ясно,—говоритъ онъ,—почему законъ Маркса о паденіи прибыли я считаю мнимымъ. Да потому, что въ дѣлѣ созданія цѣнныхъ предметовъ рѣшительно никакого принципіальнаго различія между человѣкомъ и машиной не существуетъ. Человѣкъ и машина въ этомъ отношеніи вполнѣ эквивалентны. Можно признать цѣнность созданіемъ только труда, но нельзя отрицать фактовъ. Иными словами, трудовая теорія цѣнности, въ примѣненіи къ реальнымъ фактамъ, должна быть конструирована такимъ образомъ, чтобы эквивалентность человѣка и машины находила себѣ въ ней выраженіе“.

Чтобы яснѣе обнаружить „основную ошибку“ Туганъ-Барановскаго, возвращусь еще разъ къ моей геометрической аналогіи. Буду разсуждать по примѣру Туганъ-Барановскаго.

„Отсюда ясно, почему теорему: сумма внутреннихъ угловъ треугольника равна двумъ прямымъ я считаю совершенно мнимою. Да потому, что въ теоріи параллельныхъ линій никакого принципіальнаго различія между постулатами Эвклида и Лобачевскаго не существуетъ. Они оба въ этомъ отношеніи вполнѣ эквивалентны. Можно признавать, что черезъ данную точку къ данной прямой возможно провести лишь одну параллельную, но нельзя отрицать фактовъ; напр., факта, по которому мы не имѣемъ нагляднаго представленія безконечно-удаленныхъ точекъ. Иными словами, геометрія Эвклида, въ примѣненіи къ реальному пространству, должна быть конструирована такимъ образомъ, чтобы эквивалентность постулатовъ Эвклида и Лобачевскаго находила въ ней свое выраженіе“...

Не знаю, удастся-ли кому либо построить такую ублюдочную геометрію; но въ экономической наукѣ все возможно...

Я вполнѣ согласенъ съ Туганъ-Барановскимъ, что, съ чисто формальной стороны, любой факторъ производства можно признать единственнымъ факторомъ цѣнности. Возможно, безъ малѣйшаго логическаго противорѣчія, построить теорію, по которой единственнымъ образователемъ цѣнности будутъ средства производства. Стоитъ только разсматривать самую рабочую силу, какъ простое средство производства. Съ этой вполнѣ послѣдовательной точки зрѣнія окажется, конечно, справедливымъ то, что Слонимскій утверждалъ о лошадяхъ, а Туганъ-Барановскій объ обезьянахъ, а именно, что ихъ рабочая сила ничѣмъ не отличается отъ человѣческой, т. е. даетъ такую-же „прибавочную цѣнность“. Съ той же точки зрѣнія очевидно, что и всякая машина даетъ прибавочную цѣнность; и мы, наконецъ, дойдемъ до утвержденія, что такую прибавочную цѣнность даютъ даже даровыя силы природы и вѣчно самодѣйствующіе автоматы, экономическіе перпетуумъ мобиле, не требующіе никакого человѣческаго труда ни для присмотра за ними, ни для ремонта. Какъ извѣстно, Туганъ-Барановскій не остановился и передъ этимъ выводомъ; и съ извѣстной точки зрѣнія онъ былъ правъ. Въ такой теоріи эквивалентность человѣка и машины будетъ очевидна; но почему? Потому, что здѣсь собственно разсматривается не человѣкъ, какъ личность, а такъ сказать, homme-machine, человѣческая рабочая сила, какъ составная часть техническаго процесса. Это механико-технологическая и бухгалтерско-коммерческая, но не соціально-экономическая точка зрѣнія. Туганъ-Барановскій согласенъ, однако, съ тѣмъ, что можно также признавать цѣнность созданіемъ только труда; но, говоритъ онъ, „нельзя отрицать фактовъ“. Утвержденіе это основано на безмолвномъ предположеніи, что существуютъ „факты“, противорѣчащіе трудовой теоріи. Но такихъ фактовъ не указано Туганъ-Барановскимъ, а наоборотъ, онъ отвергаетъ фактъ паденія нормы прибыли. Впрочемъ, не вполнѣ ясно, отвергаетъ-ли онъ самый фактъ или только объясненіе факта, данное Марксомъ.

Допустимъ на время, что уровень прибыли одинаковъ для всѣхъ капиталовъ и всѣхъ эпохъ (хотя это и не такъ). Туганъ-Барановскій прежде всего долженъ былъ бы доказать, что нѣтъ факторовъ, противодѣйствующихъ паденію этого уровня,—факторовъ, принятыхъ во вниманіе и подробно изученныхъ теоріей Маркса. Ничего подобнаго Туганъ-Барановскій, однако, пока не сдѣлалъ. Попытка *фактическаго* опроверженія трудовой теоріи поэтому должна быть признана неудавшеюся. До сихъ поръ, впрочемъ, всѣ подобныя попытки основывались на томъ „противорѣчіи“, которое было указано и, въ концѣ концовъ, устранено самимъ авторомъ теоріи. Какъ извѣстно, „противорѣчіе“ состоитъ въ томъ, что законъ равенства нормы прибыли (который, какъ тенденція, не можетъ быть оспариваемъ для ограниченныхъ районовъ и эпохъ)—этотъ законъ прямо противорѣчитъ выводу изъ трудовой теоріи, по которой капиталъ съ высшимъ органическимъ строеніемъ, т. е. содержащій относительно-большое количество мертваго труда, долженъ дать низшую норму прибыли, по сравненію съ капиталомъ болѣе низкаго строенія. Дѣйствительно, если одинъ только живой трудъ создаетъ прибавочную цѣнность, то чѣмъ его сравнительно больше, тѣмъ больше будетъ и эта цѣнность по отношенію къ цѣнности совокупнаго капитала, а это отношеніе и даетъ норму прибыли.

Бемъ-Баверкъ ставитъ себѣ въ особую заслугу, что онъ еще въ 1884 г., раньше Конрада Шмидта и др., провозгласилъ непримиримость закона равной средней нормы прибыли съ закономъ цѣнности. Удивительно, какъ это Бемъ-Баверкъ забылъ о томъ, что представляющееся здѣсь противорѣчіе впервые выставлено самимъ Марксомъ въ первомъ томѣ „Капитала“. Въ нашей литературѣ г. В. В. можетъ съ гораздо большимъ основаніемъ гордиться тѣмъ, что онъ не только усмотрѣлъ противорѣчіе, но и рѣшилъ его задолго до появленія третьяго тома „Капитала“, при чемъ, въ основныхъ чертахъ, его отвѣтъ совпадаетъ съ рѣшеніемъ Маркса. По поводу этого рѣшенія мнѣ остается повторить то, что я утверждалъ уже не разъ: если постулатъ Маркса принятъ всецѣло, т. е. если допущено, что величина цѣнности, создаваемой трудомъ въ единицу времени, есть данная величина, то все остальное вытекаетъ, какъ необходимое, математически доказуемое слѣдствіе. „Противорѣчіе“ съ фактами несомнѣнно будетъ встрѣчаться—но не въ большей мѣрѣ, чѣмъ для всякой другой научной теоріи, не исключая и теоріи тяготѣнія. Гдѣ такое противорѣчіе дѣйствительно встрѣчается, а не составляетъ лишь плодъ непониманія фактовъ, тамъ слѣдуетъ, прежде чѣмъ отвергнуть теорію, поискать, нѣтъ ли какихъ-либо усложняющихъ обстоятельствъ, по устраненіи которыхъ теорія окажется незыблемою.

Туганъ-Барановскій, очевидно, сознавалъ, что съ одними фактами тутъ ничего не подѣлаешь, ибо факты требуютъ еще правильнаго истолкованія. Поэтому онъ и пытался опровергнуть законъ паденія еще чисто теоретическими соображеніями. Одно изъ этихъ соображеній таково.

„Предположимъ“, — говоритъ Туганъ-Барановскій („Н. Об.“ 1900 г. № 3, стр. 629), „что доля средствъ производства=$^1/_4$ всего продукта, доля рабочаго класса $^1/_2$ и доля нетрудящихся классовъ=$^1/_4$“. Пусть доля рабочаго класса сократится вдвое, а доля

средствъ производства соотвѣтственно возрастетъ. Въ такомъ случаѣ на долю рабочаго класса придется $^1/_4$ продукта, на долю средствъ производства $^1/_2$. „Но такъ какъ доля рабочихъ и средствъ производства въ совокупности не измѣнились (это заранѣе было предположено Туганъ-Барановскимъ), то и доля нетрудящихся классовъ должна остаться неизмѣнной. „Отсюда ясна мнимость закона Маркса о паденіи нормы прибыли. Замѣщеніе рабочаго машиной никакого вліянія на долю капиталистовъ, а слѣдовательно и на норму прибыли, не оказываетъ".

Какъ извѣстно, Туганъ-Барановскій и Струве въ послѣднее время все чаще вводятъ вмѣсто цѣнности — продуктъ. Задачи „распредѣленія" этимъ значительно упрощаются, но въ то-же время и теряютъ значительную часть интереса, такъ какъ распредѣленіе „продукта" между трудящимися и нетрудящимися вовсе не составляетъ специфической особенности капиталистическаго строя и самое это распредѣленіе подчиняется весьма различнымъ законамъ, смотря по общественной формѣ, въ предѣлахъ которой оно происходитъ. Я считаю такое сваливаніе въ одну кучу различныхъ способовъ распредѣленія не соціологическимъ пріемомъ, а отсутствіемъ соціологической точки зрѣнія; однако попытаюсь показать, что даже оставаясь на почвѣ „прибавочнаго продукта" и совершенно игнорируя категорію цѣнности, нельзя придти къ тѣмъ выводамъ, которые противопоставлены ученію о паденіи нормы прибыли. Итакъ, будемъ вмѣсто прибыли разсуждать о „прибавочномъ продуктѣ", а вмѣсто наемныхъ рабочихъ вообще о „трудящихся". Въ такомъ случаѣ рѣчь идетъ уже не о паденіи нормы прибыли, а о томъ, существуетъ ли тенденція къ пониженію нормы прибавочнаго продукта, получаемаго нетрудящимися классами? Правда, прежде чѣмъ опровергать подобную тенденцію, слѣдовало показать, что кто-либо вообще ее когда-либо утверждалъ.

Итакъ, будемъ разсуждать вообще, для всевозможныхъ общественныхъ формъ и средствъ производства, отъ каменнаго топора до Крупповскихъ заводовъ включительно. Допустимъ, что кто-либо утверждаетъ, что по мѣрѣ перехода отъ каменнаго топора къ Круппу, доля „нетрудящихся классовъ" пропорціонально падаетъ, хотя бы она и росла относительно. Справедливо-ли это или нѣтъ, я не знаю, но утверждаю только, что и такую тенденцію, если-бы она кѣмъ-либо была обнаружена, Туганъ-Барановскій не могъ бы опровергнуть своимъ „чистымъ продуктомъ". Дѣйствительно, къ чему приводится его опроверженіе? Онъ говоритъ, что если доля рабочихъ и средствъ производства остались въ суммѣ неизмѣнными, то и доля нетрудящихся классовъ останется прежнею. Совершенно справедливо—*если сумма всѣхъ трехъ долей осталась неизмѣнною*,—т. е. если при сокращеніи доли

рабочаго класса и соотвѣтственномъ увеличеніи доли средствъ производства, общая сумма общественныхъ продуктовъ осталась неизмѣнною. Но кто сказалъ намъ это? Откуда мы знаемъ, что при замѣнѣ части продуктовъ, прежде доставшихся „трудящимся классамъ" машинами или иными средствами производства, общая выработка останется прежнею?

Пусть Туганъ-Барановскій даже правъ въ томъ отношеніи, что машина и человѣкъ эквивалентны, какъ созидатели *цѣнности*. Но вѣдь это теперь нимало не относится къ дѣлу, такъ какъ понятіе цѣнности мы на время согласились совсѣмъ упразднить. Мы разсуждаемъ съ Туганъ-Барановскимъ, по его же собственному требованію, не о *цѣнности* продукта, а о самомъ *продуктѣ*, о его *количествѣ*. Повидимому, Туганъ-Барановскій считаетъ аксіомой и то положеніе, что машина „эквивалентна" рабочему и въ дѣлѣ созиданія продуктовъ. Но въ какомъ смыслѣ понимать эту эквивалентность? Не въ томъ ли, что при замѣнѣ какого бы то ни было количества рабочихъ машиной, общая *сумма продуктовъ* можетъ остаться одною и тою же? Я первоначально приписывалъ это, также высказанное Туганъ-Барановскимъ, мнѣніе не совсѣмъ точному опредѣленію производительности труда, которая всегда должна быть относима къ рабочей силѣ и къ единицѣ времени; я думалъ, что Туганъ-Барановскій пользуется своей схемой лишь какъ упрощеніемъ. Оказывается, однако, что простѣйшій случай превратился у него въ общій законъ, т. е. что его возраженіе основано на безмолвномъ допущеніи, будто замѣна рабочихъ машиною *происходитъ уже тогда, когда сумма продуктовъ остается неизмѣнною*, измѣняется же лишь распредѣленіе ихъ между рабочими и средствами производства. Но если есть догма, явно противорѣчащая фактамъ, то конечно эта. Конечно, возможны исключительные случаи, когда машина вводится для того только, чтобы избавиться отъ хлопотъ съ людьми; но возводить это исключеніе (примѣры для котораго можно было бы подобрать, напр., въ прусскомъ сельскомъ хозяйствѣ) въ общее правило для всего капиталистическаго производства—можно лишь при полномъ игнорированіи фактовъ.

На каждомъ шагу мы видимъ, что, вытѣсняя рабочихъ, машина создаетъ гораздо больше продуктовъ, чѣмъ производилось вытѣсненными рабочими. Иначе она-бы ихъ и не вытѣснила. Правда, отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы въ то-же время повышалась и *цѣнность*, заключающаяся въ этомъ увеличенномъ прибавочномъ продуктѣ. На практикѣ,—поскольку мы можемъ судить о цѣнности по цѣнѣ,—цѣнность эта иногда повышается, иногда остается неизмѣнною, иногда падаетъ. Мнѣ прежде казалось, что, разсуждая теоретически, съ повышеніемъ производитель-

ности труда посредствомъ примѣненія машинъ, должна повышаться и *масса* производимой цѣнности. Но если отказаться отъ этого предположенія и принять всецѣло теорію Маркса, то слѣдуетъ признать, что повышеніе производительности труда само по себѣ нисколько не вліяетъ на величину цѣнности, создаваемую единицей рабочей силы въ единицу времени, а отсюда неизбѣжно вытекаетъ, что относительное сокращеніе числа рабочихъ и относительное увеличеніе постояннаго капитала не повышаетъ, а понижаетъ норму прибавочной цѣнности, понижая ея массу по отношенію къ совокупному капиталу. Это разсужденіе, правда, нимало не касается Туганъ-Барановскаго, пока онъ говоритъ не о цѣнности, а о продуктѣ. Но относительно продукта мы уже видѣли, что никто не доказалъ, да и никогда не сможетъ доказать чтобы общее количество могло остаться неизмѣннымъ, несмотря на замѣну части рабочихъ машинами. А разъ никто этого не доказалъ, то и все это новое возраженіе Туганъ-Барановскаго падаетъ. Дѣйствительно, допустить заранѣе неизмѣнность общей массы продуктовъ при неизмѣнности суммы, составленной изъ доли рабочихъ и доли средствъ производства, это значитъ допустить, что между прибавочнымъ продуктомъ и тою же суммою существуетъ постоянное отношеніе, т. е. допустить, что норма прибавочнаго продукта неизмѣнна. Такимъ образомъ, Туганъ-Барановскій предполагаетъ какъ разъ то, что хочетъ доказать; т. е. неизмѣнность нормы прибавочнаго продукта служитъ для него доказательствомъ той же неизмѣнности нормы продукта, только иначе вычисленной. Это все равно, какъ если бы кто нибудь сказалъ: урожайность ржи всегда неизмѣнна. Доказательствомъ служитъ слѣдующее: если посѣять на десятинѣ 1 четверть, она дастъ 6 четвертей; если, при прочихъ равныхъ условіяхъ климата и почвы, посѣять 1 четверть и общее количество урожая, вслѣдствіе неизмѣнности условій, останется прежнимъ, то по вычетѣ посѣва мы получимъ 5 четвертей прибавочнаго продукта, а такъ какъ пять и одинъ равны шести, то урожайность всегда равна 6 четвертямъ съ десятины. Пять и одинъ всегда шесть, но если, при прочихъ равныхъ условіяхъ, мы положимъ удобреніе, то получимъ, быть можетъ, десять четвертей съ десятины, и все разсужденіе обратится въ прахъ. То-же справедливо и при замѣнѣ рабочаго машиной. „При прочихъ равныхъ условіяхъ“ замѣна рабочаго машиной настолько повышаетъ производительность труда оставшихся рабочихъ, что общая масса продукта растетъ. Кто воспользуется этимъ приращеніемъ—это вопросъ особый.

Насколько, однако, всякое упрощенное рѣшеніе вопросовъ распредѣленія помощью обращенія къ продукту непримѣнимо къ обществу, въ которомъ господствуетъ товарное производство

и наемный трудъ, показываетъ слѣдующій простой примѣръ. Пусть, согласно съ предположеніемъ Туганъ-Барановскаго, доля средствъ производства составляетъ сначала $^1/_4$, а доля рабочихъ половину, но обѣ эти доли выражены не въ продуктѣ (да я и не знаю, какъ ихъ выразить въ продуктѣ безъ посредства его цѣны, такъ какъ вѣдь никто не платитъ рабочимъ продуктами и не дѣлаетъ машинъ изъ продуктовъ), а въ какой-либо отвлеченной единицѣ цѣнности, скажемъ—въ рабочихъ дняхъ. Итакъ, пусть доля средствъ производства выражается, положимъ, 25 милл. рабочихъ дней, а доля рабочихъ 50 милл., что согласно съ отношеніемъ, принятымъ Туганъ-Барановскимъ. Пусть теперь въ этомъ случаѣ доля нетрудящихся классовъ или число рабочихъ дней, необходимыхъ для воспроизводства (я уступаю, пожалуй, Туганъ-Барановскому „производство“ и выражаюсь по терминологіи Кэри) прибавочнаго продукта, равно 25 милл. рабочихъ дней. Вводятся машины. Теперь на долю средствъ производства приходится, скажемъ, 50 милл. рабочихъ дней. Спрашивается, можно-ли апріорно утверждать, что машины, соотвѣтствующія 50 милл. рабочихъ дней, вмѣстѣ съ рабочими, заработная плата которыхъ теперь соотвѣтствуетъ 25 милл. рабочихъ дней, дадутъ ту-же общую массу продукта, воплощающую тѣ-же 100 милл. рабочихъ дней, какъ и прежде? Другими словами, справедливо-ли, что если взять 75 милл. рабочихъ дней, соотвѣтствующихъ самымъ различнымъ распредѣленіямъ средствъ производства и заработной платы, то при какихъ угодно комбинаціяхъ, количество рабочихъ дней, воплощенныхъ не въ этихъ самыхъ средствахъ производства и не въ назначенной къ израсходованію заработной платѣ—до соприкосновенія рабочихъ съ машиной, а въ продуктахъ послѣ процесса труда, будетъ всегда одинаковымъ? По моему, это очевидное заблужденіе и полнѣйшее отрицаніе всякаго техническаго значенія машиннаго производства. Цѣль этого послѣдняго—воплощать въ наименьшемъ количествѣ рабочихъ дней наибольшее количество продукта. Поэтому, допустивъ, что количество продукта осталось прежнимъ, мы должны признать, что на производство его потребовалось меньшее число рабочихъ дней. Но такъ какъ количество рабочихъ дней, воплощенныхъ въ долѣ средствъ производства, по предположенію Туганъ-Барановскаго, возросло лишь настолько, насколько упало количество рабочихъ дней, воплощенныхъ въ заработной платѣ, то отсюда необходимый выводъ таковъ: количество рабочихъ дней, воплощенныхъ въ прибавочномъ продуктѣ, *абсолютно уменьшилось*. А такъ какъ прочее осталось безъ перемѣны, то оно уменьшилось и относительно, а это и есть законъ паденія нормы прибыли.

Это приводитъ насъ прямо къ центральному пункту аргу-

ментаціи Туганъ-Барановскаго, какъ она была изложена еще въ 1899 году („Научное Обозрѣніе“ 1899, № 5).

Тамъ приводятся схемы, которыми, посредствомъ введенія трудовой цѣнности, повидимому доказывается обратное, а именно *возможность неизмѣнной массы и нормы прибыли, несмотря на ростъ производительности труда и вызываемое имъ пониженіе цѣнности единицы продукта при замѣнѣ рабочихъ машинами.* Ошибочность схемъ Туганъ-Барановскаго заключается въ томъ, что, сокративъ вдвое перемѣнный капиталъ, т. е. уменьшивъ вдвое число рабочихъ дней, въ немъ воплощенныхъ, Туганъ-Барановскій затѣмъ вычисляетъ по трудовой цѣнности новый перемѣнный капиталъ въ $83^1/_3$, тогда какъ прежній былъ, по его же формулѣ, при выраженіи въ трудовыхъ единицахъ, равенъ 250. Что это значитъ? Ни болѣе, ни менѣе, какъ то, что трудовая цѣнность перемѣннаго капитала, соотвѣтствующаго вдвое меньшему количеству рабочихъ дней, стала не вдвое меньше, а втрое меньше. *Другими словами, трудовая цѣнность, соотвѣтствующая одному рабочему дню, понизилась въ полтора раза.* Или еще лучше: выходитъ, что 2=3.

Съ точки зрѣнія трудовой теоріи Маркса, да и съ точки зрѣнія простой ариѳметики, это утвержденіе явно ошибочно. Но Туганъ-Барановскій именно эту свою ошибку и считаетъ преимуществомъ своей теоріи. У него трудовая цѣнность продукта рабочаго дня (а не только единицы продукта) оказывается необходимо понижающейся, а не постоянной, какъ слѣдовало бы по теоріи Маркса, да и по ариѳметикѣ.

Я уже высказалъ, что считаю вполнѣ возможнымъ построеніе такой теоріи цѣнности, въ которой не будетъ ни атома труда и которая, однако, будетъ удовлетворять извѣстной точкѣ зрѣнія. Но Туганъ-Барановскій говоритъ здѣсь о *трудовой* теоріи. По этой теоріи цѣнность создается трудомъ, т. е. рабочимъ временемъ. Сказать, что цѣнность продукта рабочаго дня въ трудовыхъ единицахъ можетъ понизиться, *это значитъ сказать, что цѣнность продукта рабочаго дня, измѣряемая рабочимъ днемъ, можетъ быть то больше, то меньше.* Это нелѣпая форма мысли, которой можно, однако, придать раціональное значеніе. Дѣло въ томъ, что можно *допустить,* что самый „рабочій день“ не есть нѣчто постоянное и что здѣсь идетъ рѣчь объ измѣреніи цѣнности продукта рабочаго дня, взятаго при данномъ строеніи капитала, цѣнностью рабочаго дня, взятаго при другомъ строеніи капитала, а въ этомъ, конечно, нѣтъ никакого абсурда. Но сказать это—значитъ признать зависимость цѣнности, производимой въ теченіе рабочаго дня, отъ строенія капитала, отъ того или иного участія машинъ, и зависящей отсюда производительности труда. Другими словами—мы придемъ къ тому-же пред-

положенію, которое раньше поддерживалось мною, и которое, конечно, можно противопоставить постулату Маркса, утверждающему обратное; но *доказать* это положеніе ровно ничѣмъ нельзя.

Напомню о содержаніи схемъ Туганъ-Барановскаго, (см. „Научн. Об.“ 1899 г. стр. 979—980). Даны капиталы: $A=100c+200v$; $B=200v+100c$. Допущено, что оба производятъ продуктъ равной „денежной цѣнности“, именно равной $P=500$ единицъ золота. Для этого прибавочная цѣнность капитала A должна быть равна 200, и капитала B также 200. Имѣемъ денежныя цѣнности:

	c	v	m	P
A	100	200	200	500
B	200	100	200	500

Чтобы перейти къ „трудовымъ цѣнностямъ“, разсуждаемъ такъ. Для A живой трудъ выражается формулой $v+m=400$. Допустимъ, что этотъ живой трудъ выражается въ 500 какихъ-либо „трудовыхъ единицахъ“ (напр., рабочихъ дняхъ). Тогда $200v+200m$ превратятся при переводѣ на новыя единицы въ $250v+250m$, ибо одна старая единица равна $\frac{500}{400}=\frac{5}{4}$ новыхъ. Точно также вмѣсто $100c$ найдемъ $125c$. Произведемъ аналогичную операцію для B. Здѣсь „живой трудъ“ $v+m=100+200=300$ и было-бы, повидимому, логично принять его равнымъ $\frac{3}{4}$ живого труда A, т. е. равнымъ $\frac{3.500}{4}=375$ трудовымъ единицамъ. *Но по Туганъ-Барановскому выходитъ иначе, и здѣсь-то его вторая „основная ошибка“.* Онъ говоритъ, что во второмъ случаѣ живой трудъ $=250$ трудовымъ единицамъ, т. е. вдвое меньше, чѣмъ для A. Почему? „Потому что перемѣнный капиталъ сократился вдвое“, т. е. вмѣсто прежняго $200v$ теперь имѣемъ $100v$. *Но развѣ живой трудъ $v+m$ есть всегда показатель величины перемѣннаго капитала v?*

Источникъ ошибки очевиденъ. *Туганъ-Барановскій въ одно и то-же время и принялъ и отвергъ теорію цѣнности Маркса.* Если принять эту теорію, т. е. допустить, что величина цѣнности, созданной въ единицу времени, есть величина постоянная, независящая отъ сложенія капитала, то отсюда (какъ доказано въ моихъ прежнихъ статьяхъ) вытекаетъ математически, что норма прибавочной цѣнности т. е. $\frac{m}{v}$ есть величина постоянная. Но въ такомъ случаѣ $\frac{v+m}{v}=1+$ нѣкоторая постоянная величина есть также величина постоянная, т. е. $v+m$ есть постоянное кратное v, и поэтому тогда дѣйствительно *безразлично,* говорить-ли о сокращеніи вдвое живого труда или только перемѣннаго капитала. Но у

Туганъ-Барановскаго норма прибавочной цѣнности измѣняется, а онъ все-же подставляетъ перемѣнный капиталъ, какъ бы показатель живого труда! Онъ принимаетъ стало быть сразу и постулатъ, эквивалентный моему, и прямо противоположный постулатъ Маркса.

Отсюда получается замѣчательный результатъ, ясный изъ слѣдующей схемы:

Схема № 2. Трудовая цѣнность.

A	$125c + 250v + 250m = 625.$
B	$166\frac{2}{3}c + 83\frac{1}{3}v + 166\frac{2}{3}m = 416\frac{2}{3}.$

Что это значитъ?

Для B перемѣнный капиталъ, выраженный въ трудовой цѣнности, *втрое* меньше чѣмъ для A (вмѣсто 250 имѣемъ $83\frac{1}{3}$). Въ то-же время трудовая цѣнность прибавочнаго продукта понизилась лишь въ *полтора* раза (вмѣсто 250 имѣемъ $166\frac{2}{3}$). Такимъ образомъ, одинъ фактъ измѣнившагося сложенія капитала какимъ-то чудодѣйственнымъ путемъ измѣняетъ коэффиціентъ, показывающій отношеніе между цѣнностями, производимыми рабочимъ на себя и на капиталиста ровно *вдвое*. Это можно объяснить не иначе какъ тѣмъ, что трудовая цѣнность продукта рабочаго времени падаетъ вдвое въ теченіе извѣстной части рабочаго дня и никакихъ причинъ этого чудеснаго паденія не указано.

Правда, въ схемѣ № 2 трудовая цѣнность продукта $v + m$ для B равна 250, т. е. вдвое меньше чѣмъ для A, для котораго $v + m$ равно 500. Но это и показываетъ ошибочность допущенія, такъ какъ мы видѣли, что трудовая цѣнность перемѣннаго капитала не вдвое, а *втрое* меньше прежней ($83\frac{1}{3}$ вмѣсто 250).

Другими словами, по Туганъ-Барановскому, живой трудъ B соотвѣтствуетъ вдвое меньшему числу рабочихъ дней, чѣмъ живой трудъ A, но въ то-же время „трудовая цѣнность“ той части рабочаго дня, которая соотвѣтствуетъ покрытію заработной платы, понизилась втрое, а другой части, соотвѣтствующей производству прибавочной цѣнности, понизилась лишь въ полтора раза. Это возможно только при допущеніи *моего* прежняго постулата. Но принявъ, что *перемѣнный капиталъ является показателемъ количества живого труда, т. е. косвенно допустивъ постоянство нормы прибавочной цѣнности,* Туганъ-Барановскій отрѣзалъ себѣ этотъ путь.

Отличіе разсужденій Туганъ-Барановскаго отъ моихъ прежнихъ разсужденій состояло именно въ томъ, что я только *постулировалъ* то, что онъ надѣялся *доказать* своими схемами. Доказательство его, однако, сводится къ тому, что онъ заранѣе предполагаетъ соотношеніе трудовой цѣнности, какъ единицы продукта, *такъ и самаго рабочаго дня*, со сложеніемъ капитала. Дѣйствительно, хотя равенство нормы прибыли есть „фактъ“, *но требуется еще доказать, что это равенство создается не въ актѣ обмѣна помощью конкурренціи и не путемъ распредѣленія прибавочной цѣнности*, какъ показано Марксомъ, *а въ самомъ актѣ производства.*

Между тѣмъ Туганъ-Барановскій изъ эмпирическаго факта равенства нормы прибыли сразу выводитъ, что это равенство существуетъ въ самомъ производствѣ. На стр. 980 (въ цитированной статьѣ) онъ пишетъ: „Наблюденіе говоритъ, что цѣна прибыли и ея процентъ остаются неизмѣнными. Я предположу слѣдовательно, согласно наблюдаемымъ фактамъ, что измѣненіе сложенія капитала не вліяетъ на цѣну прибыли“. Но въ томъ-то и дѣло, что наблюденіе еще ровно ничего не говоритъ относительно вліянія или не-вліянія сложенія капитала на норму прибыли. Оно говоритъ просто о равенствѣ нормы прибыли: однако вполнѣ возможно, что въ самомъ *производствѣ прибыли* вовсе нѣтъ равенства и что равенство достигается позднѣе, путемъ какихъ-либо вторичныхъ процессовъ; это именно и утверждаетъ Марксъ, говоря о распредѣленіи общей массы прибавочной цѣнности между индивидуальными капиталистами. Допустить же заранѣе, что норма прибыли не зависитъ отъ сложенія капитала, это значитъ, какъ показалъ уже самъ Макрсъ въ I томѣ, какъ разъ допустить то, что противорѣчитъ основному постулату трудовой теоріи, какъ она построена Марксомъ: это значитъ принять, что величина цѣнности, производимой въ рабочій день, зависитъ отъ сложенія капитала, а не есть величина постоянная. Примемъ постулатъ Маркса, и всѣ схемы Туганъ-Барановскаго разлетятся въ прахъ, такъ какъ уже нельзя будетъ сказать, что трудовая цѣнность продукта рабочаго дня измѣняется и придется признать, что рабочій день всегда останется однимъ и тѣмъ же рабочимъ днемъ, мѣриломъ той-же трудовой цѣнности.

Различіе моихъ прежнихъ разсужденій отъ „теоріи“ Туганъ-Барановскаго касалось не существа результатовъ, но *существа метода*: онъ противопоставлялъ постулату Маркса другой постулатъ, не сознавая, что имѣетъ дѣло со столь же недоказаннымъ положеніемъ, тогда какъ я съ самаго начала утверждалъ гипотетическій характеръ—какъ своихъ схемъ, такъ и самой теоріи Маркса. Это позволило мнѣ придти, въ концѣ концовъ, къ сознанію превосходства постулата Маркса, какъ болѣе простого и *единственнаго, соотвѣтствующаго точкѣ зрѣнія человѣческой личности.*

Нисколько не оспариваю того, что можно построить цѣлую экономическую теорію, въ которой личность совсѣмъ исчезнетъ

и останутся лишь „средства производства“. Я возстаю лишь противъ эклектическихъ смѣшанныхъ теорій, особенно если онѣ выступаютъ догматически.

III.

Теперь, послѣ того, какъ всѣ критическія попытки, клонящіяся къ опроверженію или измѣненію трудовой теоріи, оказываются недостигшими цѣли, я вынужденъ, конечно, признать и всѣ слѣдствія, вытекающія изъ теоріи: сюда относится прежде всего тенденція нормы прибавочной цѣнности къ равенству во всѣхъ отрасляхъ промышленности, такъ какъ мною было показано, что эта тенденція составляетъ простой математическій выводъ изъ постулата Маркса. (См. мои статьи въ „Научномъ Обозрѣніи“ 1899 года). Далѣе, необходимо принять всецѣло и ученіе о цѣнахъ производства, какъ единственный способъ возстановить равную норму прибыли; а вмѣстѣ съ тѣмъ опять возникаетъ пресловутый вопросъ: не составляетъ ли это ученіе о цѣнахъ производства прямого отступленія отъ трудовой теоріи? Какое значеніе можетъ имѣть ученіе о цѣнности, если трудовая цѣнность нигдѣ, по крайней мѣрѣ въ капиталистическомъ обществѣ, не осуществляется даже при посредствѣ „среднихъ“ цѣнъ?

Энгельсъ въ своей послѣдней работѣ пытался отвѣтить на этотъ вопросъ такимъ образомъ, что законъ цѣнности оправдывался всецѣло на раннихъ ступеняхъ общественнаго развитія, да и впослѣдствіи, въ хозяйствѣ самостоятельныхъ производителей; со времени же господства капиталистическаго производства вмѣсто цѣнностей явились цѣны производства.

Я предпочитаю обратиться къ разъясненіямъ самого Маркса, поскольку они намъ извѣстны изъ отрывковъ, изданныхъ подъ именемъ третьяго тома „Капитала“.

„Допустимъ,—говоритъ Марксъ,—что рабочіе сами обладаютъ соотвѣтственными средствами производства и обмѣниваютъ товары между собою. Смотря по технической природѣ ихъ работъ, цѣнность средствъ производства и рабочихъ матеріаловъ, примѣненныхъ въ разныхъ отрасляхъ, будетъ различна. Точно также, независимо отъ неравной цѣнности примѣненныхъ средствъ производства, потребуется разное количество ихъ для данной массы труда, смотря по тому, можетъ ли опредѣленный товаръ быть изготовленъ въ одинъ часъ, или же въ одинъ день и т. п. Допустимъ далѣе, что эти рабочіе, въ среднемъ, работаютъ одинаково долго, причисливъ всѣ поправки, вытекающія изъ разной интенсивности труда и проч. Двое рабочихъ прежде всего возмѣстятъ въ товарахъ, образующихъ продуктъ ихъ дневного труда, сначала свои издержки, именно стоимости затраченныхъ средствъ производства. Эти издержки будутъ различны смотря по технической природѣ ихъ отраслей труда. Затѣмъ оба создадутъ одинаковую новую цѣнность, а именно—добавленный къ средствамъ производства рабочій день. Эта новая цѣнность включаетъ ихъ „заработную плату“ или, собственно, цѣнность ихъ средствъ существованія, плюсъ прибавочная цѣнность—результатъ прибавочнаго труда, превышающаго ихъ потребности. Выражаясь „капиталистически“, слѣдуетъ сказать, что оба получатъ ту-же заработную плату плюсъ та-же прибыль. Но прежде всего цѣнности ихъ товаровъ будутъ различны“.

„Въ товарѣ I напр., содержится болѣе значительная доля цѣнности за примѣненныя средства производства, чѣмъ въ товарѣ II, и сразу товаръ I пусть поглощаетъ болѣе живого труда, чѣмъ товаръ II, т. е. требуетъ болѣе продолжительнаго рабочаго времени для производства, чѣмъ товаръ II. Цѣнность этихъ двухъ товаровъ будетъ весьма различна. Различны будутъ также суммы товарныхъ цѣнностей, произведенныхъ въ данное время обоими рабочими. Если назовемъ отношеніе прибавочной цѣнности къ совокупной цѣнности затраченныхъ средствъ производства, включая средства существованія самостоятельныхъ рабочихъ, нормою ихъ „прибыли“, то и эта норма будетъ весьма различна въ обоихъ случаяхъ. Но прибавочныя цѣнности для равнаго рабочаго времени будутъ одинаковы для I и II. Или точнѣе: такъ какъ и I и II получаютъ всю цѣнность продукта рабочаго дня, то окажется, что, по вычитаніи цѣнности затраченныхъ постоянныхъ элементовъ производства, оба получатъ одинаковыя цѣнности, причемъ одна часть полученной цѣнности будетъ возмѣщеніемъ затраченныхъ во время производства средствъ существованія, тогда какъ другая можетъ быть разсматриваема какъ „прибавочная цѣнность“. Если I имѣлъ больше издержекъ, то онѣ зато возмѣщаются болѣе значительной долей цѣнности его товара, оплачивающаго эту постоянную долю, и ему опять приходится превращать большую часть общей цѣнности своего продукта въ элементы этой постоянной доли; тогда какъ II, хотя менѣе получаетъ, за то и менѣе долженъ расходовать. Различіе нормъ прибыли въ этомъ случаѣ вещь совершенно безразличная: самостоятельнаго рабочаго интересуетъ не *норма* прибыли, а ея *масса*, т. е. абсолютная величина и при томъ не сама по себѣ, а сложенная съ средствами существованія рабочаго“.

Итакъ, для самостоятельныхъ производителей, по Марксу, законъ равной нормы прибыли вовсе не существуетъ, даже какъ тенденція: наоборотъ, здѣсь *должна* существовать неравная норма

прибыли, смотря по тому, больше или меньше доля, вложенная въ средства производства. Зато, при этихъ условіяхъ обмѣнъ будетъ совершаться по цѣнностямъ или приблизительно по цѣнностямъ товаровъ. „Обмѣнъ товаровъ по ихъ цѣнностямъ,—заключаетъ Марксъ,—требуетъ, слѣдовательно, гораздо низшей ступени развитія чѣмъ обмѣнъ по цѣнамъ производства, для чего требуется извѣстная высота капиталистическаго развитія“. (Сравн. „Kapital“, III, I, 154—155).

Итакъ, конечный результатъ, къ которому пришелъ Марксъ относительно закона цѣнности, состоитъ въ томъ, что въ самомъ чистомъ видѣ законъ этотъ проявляется въ хозяйствѣ самостоятельныхъ товаропроизводителей. Это нѣсколько отличается отъ утвержденій, которыя содержатся въ „Критикѣ политической экономіи“. Но, какъ мы уже замѣтили, во всякомъ случаѣ оказывается, что господство закона цѣнности требуетъ всесторонняго отчужденія продуктовъ труда, т. е. по крайней мѣрѣ развитой *товарной* формы. Чтобы убѣдиться въ справедливости этого мнѣнія, стоитъ вспомнить о неустойчивости мѣновыхъ отношеній, господствующихъ въ мало-культурныхъ обществахъ, гдѣ, напр., нѣтъ никакого торга, кромѣ мѣнового.

Общество самостоятельныхъ товаропроизводителей въ чистомъ видѣ, конечно, никогда не существовало. Ремесленники, напр., были связаны цеховою организаціей, значительно измѣняющей положеніе дѣла, такъ какъ цехъ устраняетъ свободную конкурренцію: кромѣ того цѣны опредѣлялись въ значительной мѣрѣ обычаемъ, даже насильственной регламентаціей и т. д. Крестьяне въ свою очередь окружены множествомъ внѣшнихъ условій. Но все это нисколько не мѣшаетъ разсматривать теоретически случай самостоятельныхъ товаропроизводителей. Вѣдь и капитализмъ въ *чистомъ* видѣ нигдѣ не существуетъ. Сверхъ того Марксъ совершенно правъ, утверждая, что не только теоретически, но и *исторически* слѣдуетъ разсматривать цѣнности, какъ предшествующую стадію по отношенію къ цѣнамъ производства. Для того, чтобы цѣны приблизительно соотвѣтствовали цѣнностямъ, достаточно слѣдующаго: обмѣнъ товаровъ долженъ перестать быть чисто случайнымъ или очень рѣдкимъ явленіемъ, товары должны съ обѣихъ сторонъ производиться въ количествѣ, приблизительно соотвѣтствующемъ взаимной потребности, что вытекаетъ изъ продолжительнаго обмѣна; наконецъ должны отсутствовать всякія монополіи.

Но если въ капиталистическомъ обществѣ законъ цѣнности не проявляется болѣе въ чистомъ видѣ, то слѣдуетъ ли изъ этого, какъ упорно утверждаютъ многіе, что онъ вовсе не проявляется, что онъ вполнѣ нарушенъ? Или же мы должны, вслѣдъ за С. Н. Булгаковымъ, высказать парадоксальную мысль, что законъ цѣнности „осуществляется въ неосуществленіи?“ [1]).

Мнѣ кажется, что нѣтъ надобности прибѣгать къ такому героическому средству, какъ этотъ парадоксъ, но достаточно помнить то, что мы видимъ на каждомъ шагу въ точныхъ наукахъ, имѣющихъ дѣло съ болѣе или менѣе сложными явленіями и соотвѣтственными формулами и законами.

Осуществляется ли гдѣ либо *въ чистомъ видѣ* законъ инерціи? Если да, то пусть мнѣ укажутъ на опытѣ хотя одинъ примѣръ абсолютнаго покоя или абсолютно равномѣрнаго движенія. Такъ какъ ни того, ни другого нельзя указать, то слѣдуетъ ли изъ этого, что законъ инерціи ложенъ? Тѣ, для кого цѣнность имѣетъ значеніе лишь мѣнового отношенія и кто не усматриваетъ, что подъ этимъ отношеніемъ скрывается и нѣчто безотносительное, а именно рабочее время, могутъ считать нелѣпымъ утвержденіе Маркса, что законъ цѣнности вполнѣ оправдывается и въ капиталистическомъ обществѣ для совокупнаго продукта общества. Но даже если остановиться исключительно на точкѣ зрѣнія частныхъ мѣновыхъ сдѣлокъ, регулируемыхъ *цѣнами*, то развѣ не ясно, что *цѣны* могутъ „въ конечномъ счетѣ“ зависѣть отъ относительныхъ количествъ рабочаго времени и все-же не быть имъ строго пропорціональными, если только эта зависимость очень сложнаго характера.

Трудовыя цѣнности даютъ мѣновыя отношенія, которыя, сочетаясь съ другими элементами, могутъ дать отношенія, соотвѣтствующія цѣнамъ производства. А такъ какъ фактически мы наблюдаемъ непосредственно лишь эти послѣднія, то и не удивительно, что наблюдаемыя нами отношенія не соотвѣтствуютъ трудовому принципу. Это то-же, что законъ Бойля-Маріотта съ его отступленіями въ примѣненіи къ реальнымъ газамъ. По остроумному замѣчанію Булгакова, цѣны производства представляютъ равнодѣйствующую двухъ силъ: трудовыхъ цѣнностей и тенденціи прибыли къ равенству. Что-же удивительнаго въ томъ, если получаемыя отношенія совсѣмъ не тѣ, какія были бы, если бы прибыль не имѣла тенденціи къ равенству,—а *неравенство* прибыли, какъ показалъ Марксъ, вполнѣ возможно внѣ капиталистическаго производства, въ товарномъ хозяйствѣ самостоятельныхъ производителей.

Теорія остается, такимъ образомъ, непоколебленной: надо только умѣть ее примѣнять.

Остается еще „психологія“. Но объ этомъ въ слѣдующій разъ.

М. Филипповъ.

---

[1]) Сравн. его любопытную статью о теоріи цѣнности въ „Научн. Обозр.“ 1898 г. № 2, 9 и 10.